

Секция I
ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО:
ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ

С. Шарап
Петербургский опыт В.В. Путина
как фактор в его внешней политике

С момента избрания Владимира Путина на пост президента Российской Федерации международное сообщество относилось к нему с особым интересом. Он одновременно интригует обозревателей своим быстрым приходом во власть, привлекает их своим сдержанным характером и пугает их своим прошлым в органах госбезопасности. Его описывают неуловимым, загадочным и непостижимым. Хотя он уже три года занимает свой пост, многие до сих пор задают вопрос: «Кто такой господин Путин?». Однако у Путина было довольно яркое и интересное политическое прошлое, которое, безусловно, оказывало влияние на его мировоззрение и, соответственно, на его политику. Нельзя сказать, что исключительно оно определило его внешнюю политику; с другой стороны, внешняя политика определяется во многом личностью президента. Чтобы лучше понять Путина и ситуацию в стране, необходимо исследовать его политическую карьеру.

Несмотря на конъюнктурный характер российской внешней политики, можно наблюдать какие-то внятные перемены в подходе России к внешнему миру при Путине. Я не буду здесь вдаваться в детали, но тезисно можно описать эти перемены следующим образом: акцент на экономической составляющей внешней политики, трезвая оценка статуса России в мире, осознание слабости российской экономики, стремление интегрировать Россию в западные экономические структуры и в то же время реалистичное понимание выгод сотрудничества Запада и России, убеждение, что внешняя политика должна обеспечить модернизацию страны.

Все это отразилось и на отношениях России и СНГ. В отличие от политики Козырева и Примакова, которые видели в СНГ способ реализации своих собственных политических целей, Путин продемонстрировал более прагматичный подход к странам-членам Содружества. Мы видим стремление к настоящей экономической интеграции и к активизации тех договоров, которые раньше только существовали на бумаге. В отличие от Ельцина, который почти всегда ставил отноше-

ния с Западом на первом месте, Путин признает СНГ «зоной естественных интересов» России. В то же время Путин, за редким исключением, не вмешивается во внутренние дела стран Содружества и допускает присутствие Запада там, таким образом улучшая отношения России и Запада.

Вернемся к политической биографии Владимира Путина. Вскоре после его возвращения в родной Санкт-Петербург он обратился к своему бывшему преподавателю, Анатолию Собчаку, тогда депутату Ленсовета, который предложил ему работу помощника по международным вопросам. Путин согласился. После избрания Собчака на пост мэра в 1991 г. Путин был назначен вице-мэром и председателем в только что основанный комитет по внешним связям. В 1994 г. Путин стал первым вице-мэром, сохраняя свой пост в комитете. Таким образом, за два года Путин стал вторым человеком во втором городе России.

Надо сказать, что Собчак и Путин очень сильно различались по характеру. В то время как Путин всегда предпочитал оставаться в тени, Собчак пользовался известностью своего поста и предпочитал церемонии, поездки за границу и приемы банальной работе градоначальника. Таким образом, за повседневное управление городом часто отвечал Путин. Кроме того, у Собчака, славящегося своей убежденностью, упрямством и прямолинейностью, не хватало терпения для трудных переговоров с политиками и бизнесменами. К Путину эти люди обращались как к переговорщику Собчака, потому что он мог пойти на компромисс, когда его шеф этого сделать не мог. Один друг Путина вспоминает, что бремя такой работы сильно влияло на него: «Володя сильно изменился после того, как он начал работать в мэрии... Он полностью ушел в городские дела, его эмоции были истощены. Он стал прагматиком».

Трудно сказать, что именно этот человек имел в виду. Да и по тому, что мы знаем, Путин никогда не был романтиком или идеологом. Но все люди, что знают его, говорят, что годы работы в мэрии изменили его характер. Он сам вспоминает, что эта работа была «бесценным жизненным опытом». Если у него и были прагматические черты характера до этого, нет сомнений, что опыт работы с таким харизматическим, но совсем не прагматичным политиком сделал его более целеустремленным. Обязанности Путина очень схожи с обязанностями корпоративного менеджера: решать конфликты, принимать практические решения и бороться с бюрократией. Любой коммерческий директор должен понимать, что результаты – это единственная цель. Подобная мотивация является одной из основ путинской дипломатии, особенно когда речь идет об СНГ. Он требует конкретных результатов от внешней политики.

Несмотря на их разные характеры, отношения между Путиным и Собчаком были довольно тесными. Как вспоминает Путин, «мало тех, кто знает, что наши разговоры с Анатолием Александровичем были близкими, дружелюбными и конфиденциальными. Мы очень много друг с другом разговаривали, особенно при поездках за границу, когда мы несколько дней были практически одни. Он был другом и учителем для меня». Как многие так называемые радикальные реформаторы перестроечного периода, Собчак искренне верил в необходимость интеграции России с Западом. Александр Юрьев, профессор политической психологии СПбГУ, который работал вместе с Путиным в начале 90-х, считает что Путин усваивал мировоззрение Собчака: «Путин понял, что социальная, экономическая и политическая интеграция страны с внешним миром – это в интересах России».

Повседневная работа Путина в мэрии включала в себя широкий спектр обязанностей, но в основном он занимался экономическим развитием города и привлечением иностранных инвестиций. В это время экономическое положение страны было чрезвычайно тяжелым. Институтов рыночной экономики практически не было. Как вспоминает один из заместителей Путина, «таможня, банки, инвестиции, биржа и подобные структуры просто не существовали». Как и многие другие города России, Санкт-Петербург был в особенно неудачном положении из-за того, что экономика города была ориентирована на военное производство. Иногда магазины были пустыми, и дефицит не был редким. В отличие от Москвы, где благодаря централизованной советской системе была хоть какая-то база для экономического развития, в Петербурге не было базы никакой. Как сказал Константин Худoley, нынешний декан факультета международных отношений СПбГУ, который в то время был депутатом городского совета, «так как в Петербурге практически не было денег, Путин, наверное, понял лучше, чем другие российские политики, тяжелое экономическое положение России». Своим экономическим положением Петербург более похож на другие российские города, чем столица. В начале 90-х, как отметил Худoley, «Москва была другой планетой».

Кроме проблем в экономической политике, у Путина были административные проблемы. Его пост и тот комитет, который он возглавлял, не существовали до его прихода. Никакой традиции не было. Кроме того, не было надлежащих институтов для обеспечения тех иностранных инвестиций, которые он, по идее, должен был привлекать. Как говорит Александр Прохоренко, который сейчас занимает петербургский пост Путина, «до Владимира Владимировича этого комитета не было. Ему надо было все создавать с нуля. Время было тя-

желым. Юридической базы для этой работы не было, и не было никаких традиций. Для такого молодого человека это было серьезным испытанием».

Как многие из демократов-реформаторов, Собчак не до конца понимал все сложности на пути экономического возрождения России. Показательным было его желание сразу сделать Петербург финансовой столицей в первый же свой срок и освободить город от московского капитала. Путин должен был все эти прекрасные идеи реализовывать через переговоры с иностранными инвесторами. Надо сказать, что у него был определенный успех: Кока-Кола, Дрезденский Банк и Кредит Лионе – все открыли свои филиалы в Петербурге в это время. Путин тоже создавал две зоны экономического развития на краях города, где спустя некоторое время открылись фирмы «Жилетт» и «Вригли». Конечно, эти сделки привели много нужного капитала в город.

Несмотря на эти успехи, питерская экономика вплоть до сегодняшнего дня не стала такой, какой хотел ее видеть Собчак. Кроме того, многие из западных инвесторов и российских бизнесменов, работавших в Петербурге в то время, мягко говоря, безответственно себя вели. Как вспоминает Путин, «фиктивные фирмы открылись везде. Было много финансовых схем. Мы просто не думали, что все могло так быстро выйти из-под контроля». Если у него когда-нибудь было ощущение, что Запад был готов обеспечить проведение российских реформ или что все, что касается Запада, хорошо, его работа дала ему понять, что на самом деле все не так.

На базе этой краткой политической биографии можно делать вывод, что путинский подход к внешним вопросам, и в том числе что касается СНГ, есть некий результат уроков, сделанных им на основе питерского опыта. Эта работа обеспечила ему ускоренный практический курс по управлению, макроэкономике, инвестициям и экономическому развитию. После столь тесной работы с экономикой в таком хаотическом состоянии у него, наверное, не осталось никаких иллюзорных представлений о ситуации в постсоветской России. Безусловно, благодаря его переговорам с западными инвесторами и его разговорам с Собчаком, он понял необходимость экономической интеграции для развития страны. Но, по словам одного западного дипломата, который работал в Санкт-Петербурге в это время, у Путина не было романтического подхода к Западу – наверное, это из-за неидеальных результатов его опыта с инвесторами. Исходя из этого опыта, мы можем понять его интерес к укреплению экономических институтов СНГ. Таким образом, можно сказать, что петербургский опыт Путина дает нам нужный ключ для понимания его внешней политики.

Литература

1. Авторская переписка с западными дипломатами, 2002 г.
2. Блоцкий О. Владимир Путин: Дорога к власти. М., 2003.
3. Интервью автора с Vantanyar Yaḡaу, 9 января 2003 г.
4. Интервью автора с Костантином Худолеем, 8 января 2003 г.
5. Интервью автора с Александром Прохоренко, 6 февраля 2003 г.
6. Салмин А.М. Изнанка внешней политики: внутренние факторы в системе связей, обязательств и проектов Российской Федерации // *Полития*. № 5 (23). Декабрь 2001.
7. Humes G. Vladimir Vladimirovich Putin in 1994: A Personal Recollection // *E-Notes*, Foreign Policy Research Institute, January 13, 2000.
8. McFaul M. A Precarious Peace: Domestic Politics in the Making of Russian Foreign Policy // *International Security*. Vol. 22. No. 3 (Winter 1997–1998). P. 5–35.
9. Menon R. Structural Constraints on Russian Diplomacy // *Orbis*. Vol. 45, no. 4 (Fall 2001). P. 579–596.
10. Putin V. *First Person: An Astonishingly Frank Self-Portrait by Russia's President*. New York: Public Affairs, 2000.
11. Rutland P. Putin's Levitation Act // *Russia and Eurasia Review*. Vol. 1, no. 1. Jamestown Foundation, 2002.

Вопросы и выступления

Карпов М.В.: У меня будет два очень коротких, на первый взгляд, не очень взаимосвязанных, но, как мне кажется, очень близких вопроса. Если мы берем политику Путина в целом, внешнюю и внутреннюю, мы видим, что это была бонапартистская политика, т.е., с одной стороны, мы вводим гимн бывшего СССР, а с другой стороны, у нас совершенно четкая прозападная линия. То есть хотел человек нравиться всем, при этом оставаясь совершенно не публичным политиком, что Вы правильно отметили. И вот наступил иракский кризис. С моей точки зрения, российское руководство катастрофически не справилось с тем, как нужно было этот кризис моделировать. С Вашей точки зрения, поскольку Вы американец, является ли реакция российского руководства на иракский кризис свидетельством того, что потенции бонапартизма Путина если не исчерпаны совсем, то близки к этому?

Шарап С.: Что касается первого вопроса, то я могу с Вами согласиться, что иногда путинская внешняя политика противопоставляется его внутреннему курсу, но все-таки это не такая большая редкость в мировой истории и на самом деле не всегда внутренний и внешний курсы совпадают. Что касается Ирака, то я считаю, что главной причиной той позиции, которую занимал Путин при этом конфликте, является плохая информация, которую он, видимо, получил от военной

разведки, потому что все его высказывания до начала военных действий показывали, что ему дали плохую информацию о ситуации в стране и в мире. И я, кстати, не считаю, что надо обязательно поддерживать (я и сам не поддерживаю эту войну) все действия США, чтобы иметь хорошие отношения с ними.

Гончаренко Г.А.: Первый вопрос, который задали Путину, когда он выступал на Западе: «Кто Вы, мистер Путин?». Кем Вам видится мистер Путин сегодня?

Шарап С.: Я пытался частично ответить на этот вопрос в своем докладе. Я, конечно, не знаю этого человека лично, но я считаю, что можно ответить на этот вопрос. Главным мотивом моего исследования и интервью, которые я провел в Санкт-Петербурге, состоял в том, что все задают подобный вопрос о Путине, словно он сошел с неба, как будто бы у него не было прошлого. Ведь на самом деле он хотя и не был таким видным, но занимал довольно важный пост до президентства. Я считаю, что его прошлое является в какой-то степени ключом к пониманию его характера и политики.

Боронин О.В.: В начале Вашего доклада прозвучала фраза о том, что российская политика носит конъюнктурный характер. Докладчик на пленарном заседании О.Н. Барабанов пытался нам показать, что сегодня российская внешняя политика носит не конъюнктурный, а концептуальный характер, есть концепция и она выполняется. Что Вы подразумеваете под фразой конъюнктурный характер внешней политики РФ?

Шарап С.: Мое понимание важности таких документов, как концепция внешней политики и концепция национальной безопасности, сводится к тому, что вся история постсоветской России показывает, что на самом деле это просто бумага и то, что происходит, на самом деле очень сильно отличается от того, что там написано. Во-вторых, что я имел в виду под конъюнктурным характером. Я считаю, что это было хуже при Ельцине, но до сих пор не выработана какая-то внятная стратегия, и иногда мы видим какие-то колебания. Например, реакция российской стороны на размещение американских войск на территории Центральной Азии: сначала одна реакция человека из ближайшего окружения Путина, и спустя один день совсем противоположное высказывание самого президента. Я считаю, что во внешней политике любой страны, а здесь особенно, политики реагируют на события не заранее, а соразмерно существующей концепции.

Греков Н.В.: Внешняя политика президента России Путина определяется его характером, личным опытом или все-таки он выражает

интересы политических сил, которые стоят за ним. Если за ним стоят политические силы, то что это за силы?

Шарап С.: Спасибо за вопрос. Я сам часто задаю его себе. В докладе представлена только часть моего исследовательского проекта, в целом же меня интересуют все внутренние факторы российской внешней политики. Конечно, их много. Давайте посмотрим на вашу Конституцию, где почти все внешнеполитические полномочия, в отличие от конституций других стран, принадлежат самому президенту. Здесь, конечно, его собственные взгляды очень важны, особенно в такой ситуации, когда нет такой фигуры, как Громыко, Примаков, в МИДе. Но я считаю, что очень много внутренних факторов здесь играют большую роль, включая и политическую смену поколения, и лоббирование большого бизнеса, и ряд других факторов, о которых можно говорить часами.

Устюгов А.Н.: У меня складывается впечатление, что опыт внешней политики нашего президента складывался только на основе очень активного петербургского периода жизни, но ведь у нас огромная страна, много других городов. В связи с этим, считаете ли Вы, что только петербургский период повлиял и продолжает влиять на его внешнюю политику?

Шарап С.: Нельзя, конечно игнорировать тот период, когда он работал в Германии, но по естественным причинам мы мало об этом периоде знаем и никогда не будем очень много знать. Но тот факт, что петербургский период был и, рассматривая его политическую карьеру до сегодняшнего дня, включая пост президента, можно говорить о том, что именно петербургский период стал его самым большим политическим опытом. Конечно, Питер город специфический и очень отличается от других городов России, именно поэтому я хотел эту тему осветить.

Н.Ю. Кавешников

О возможности использования опыта Европейского Союза для экономической интеграции стран СНГ

С самого начала интеграция на постсоветском пространстве проходила с оглядкой на Европейский Союз. Именно на основе опыта ЕС была сформулирована поэтапная стратегия интеграции, закреплённая в Договоре об экономическом союзе 1993 г. Вплоть до последнего времени в СНГ создаются аналоги структур и механизмов, хорошо зарекомендовавших себя в Европе. Так, Договор о создании союзного го-

сударства 1999 г. во многом повторяет положения договоров о Европейском Сообществе и Европейском Союзе. Однако зачастую попытки использовать опыт ЕС для интегрирования постсоветского пространства ограничиваются механическим копированием западных технологий. В настоящей работе на основе анализа интеграционных процессов в Европе и ряде других регионов формулируются предпосылки, при которых возможна экономическая интеграция по образцу ЕС.

Прежде всего необходимо сделать одно уточнение. Термином «экономическая интеграция» часто обозначают два взаимосвязанных, но все же принципиально разных понятия. Во-первых, интеграцией называют процесс создания на территории нескольких стран более или менее единого экономического пространства. Он выражается в устранении существующих экономических и иных барьеров, ограничивающих передвижение товаров, капиталов и людей; а также в унификации действующих в разных странах условий хозяйствования. Понимаемый таким образом процесс (далее – межгосударственная интеграция) целиком зависит от действий национальных правительств и носит субъективный характер.

Во-вторых, интеграцией также называют процесс сращивания национальных экономик на микроуровне, т.е. на уровне экономических операторов. Он выражается в тесных торговых связях, внутриотраслевой кооперации между компаниями разных стран, создании ТНК, перетоке капиталов в форме прямых инвестиций, кредитов и т.п. Этот процесс (далее – интеграция национальных экономик) подвержен лишь косвенному регулированию со стороны национальных правительств и по отношению к ним носит объективный характер.

Интеграция национальных экономик развивается лишь при достижении довольно высокого уровня развития хозяйства (интеграционной зрелости). До этого момента любая деятельность правительств по межгосударственной интеграции обречена на неудачу, поскольку не нужна экономическим операторам. Итак, попытаемся выяснить, достигли ли экономики стран СНГ интеграционной зрелости.

Простейшим показателем степени интеграции национальных экономик региона является интенсивность внутрирегиональной торговли. В ЕС ее доля составляет 60% от общей внешней торговли, в НАФТА – около 50%, в СНГ, АСЕАН и МЕРКОСУР – около 20%, а в ряде «квазиинтеграционных» объединений слаборазвитых стран не достигает и 5%. Очевидно, что степень интеграции национальных экономик обуславливается структурой ВВП и товарооборота. Страны, экспортирующие сельскохозяйственную продукцию, сырье и энергоресурсы, на мировом рынке объективно являются конкурентами, а их

товарные потоки ориентированы на развитые индустриальные страны. Напротив, подавляющую долю взаимной торговли индустриальных стран составляют машины, механизмы и другие готовые продукты (в ЕС в 1995 г. – 74,7%). Более того, товарные потоки между слаборазвитыми странами не влекут за собой интеграции национальных экономик, – обмен кокосов на бананы, а нефти на ширпотреб не является интеграцией, поскольку не порождает структурной взаимозависимости.

Внутрирегиональный товарооборот стран СНГ невелик по объему. Более того, в течение 90-х гг. его объем неуклонно уменьшался (с 18,3% ВВП в 1990 г. до 2,4% в 1999 г.), а его товарная структура ухудшалась. Национальные воспроизводственные процессы становятся все менее взаимосвязанными, а сами национальные экономики – все более обособленными друг от друга. Из взаимного товарооборота вымываются готовые изделия, и возрастает доля топлива, металлов и других сырьевых товаров. Так, с 1990 по 1997 гг. доля машин и транспортных средств упала с 32 до 18% (в ЕС – 43,8%), а изделий легкой промышленности – с 15 до 3,7%. Утяжеление структуры товарооборота уменьшает взаимодополняемость экономик стран СНГ, ослабляет их интерес друг к другу и зачастую делает их соперниками на внешних рынках.

В основе примитивизации внешней торговли стран СНГ лежат глубинные структурные проблемы, выражающиеся, в частности, в недостаточном уровне технико-экономического развития. По удельному весу обрабатывающей промышленности отраслевая структура большинства стран СНГ уступает странам не только в Западной Европе, но и в Латинской Америке и восточной Азии, а в ряде случаев сопоставима со странами Африки. Причем за последние десятилетие отраслевая структура экономики большинства стран СНГ деградировала.

Необходимо отметить, что только торговля готовыми продуктами может перерасти в международное производственное кооперирование, привести к развитию торговли отдельными деталями и компонентами и стимулировать интеграцию национальных экономик. В современном мире торговля деталями и компонентами растет ошеломляющими темпами: 42,5 млрд. долл. в 1985 г., 72,4 млрд. долл. – в 1990 г., 142,7 млрд. долл. в 1995 г. Подавляющая часть этих торговых потоков лежит между развитыми странами и связывает их теснейшими производственными узами. Низкая и стабильно падающая доля готовых продуктов в товарообороте стран СНГ не дает возможности запустить этот процесс.

Наконец, вынос отдельных стадий производственного процесса за рубеж порождает еще один канал интеграции национальных эконо-

мик – вывоз производительного капитала. Потоки зарубежных инвестиций и иных капиталовложений дополняют торговые и производственные связи между странами прочными узами совместной собственности на средства производства. Растущая доля международных товаропотоков теперь носит внутрикorporативный характер, что придает им особую устойчивость. Очевидно, что в странах СНГ эти процессы находятся в зачаточной стадии.

Дополнительным фактором дезинтеграции экономического пространства СНГ является прогрессирующая диверсификация национальных моделей хозяйствования. Лишь рыночные экономики способны к взаимовыгодной и стабильной интеграции. Стабильность интеграции рыночных экономик обеспечивается именно их строительством снизу, за счет взаимовыгодных связей между экономическими операторами. По аналогии с демократией можно говорить о *grassroots integration*. Интеграция нерыночных экономик носит искусственный характер и нестабильна по своей природе. А интеграция между рыночными и нерыночными экономикami невозможна в принципе – «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». Близкое сходство экономических механизмов является одной из важнейших предпосылок интеграции национальных экономик. В настоящее время в ряде стран СНГ (Россия, Грузия, Киргизия, Армения, Казахстан) переход к рыночной экономике идет более или менее интенсивно, некоторые (Украина, Молдавия, Азербайджан, Таджикистан) затягивают проведение реформ, а Белоруссия, Туркмения и Узбекистан откровенно предпочитают нерыночный путь экономического развития. Растущая дивергенция моделей хозяйствования стран СНГ делает нереальными все попытки межгосударственной интеграции.

Наконец, важной предпосылкой межгосударственной интеграции является сопоставимость уровня развития национальных экономик. Значительный разрыв в уровне развития ослабляет интерес производителей из более развитых стран к рынку менее развитых стран; уменьшает возможности внутриотраслевой кооперации; стимулирует протекционистские тенденции в менее развитых странах. Если же межгосударственная интеграция между разными по уровню развития странами все же осуществляется, она неизбежно ведет к замедлению темпов роста в более развитых странах. В наименее развитой стране ЕС – Греции – ВВП на душу населения составляет 56% от уровня наиболее развитой Дании. В СНГ лишь в Белоруссии, Казахстане и Туркмении этот показатель составляет более 50% от показателя России. Хочется верить, что рано или поздно во всех странах СНГ абсолютный подушевой доход начнет увеличиваться. Однако поскольку в наименее раз-

витых странах СНГ – в Средней Азии и отчасти в Закавказье – темпы рождаемости существенно выше, чем в России, Украине и даже в Казахстане, диспропорции неизбежно будут нарастать.

Мировая практика свидетельствует: чем ниже уровень индустриализации страны, чем меньше высокотехнологичных товаров в структуре ее производства и чем больше в ней природных ресурсов, тем беднее экспортная корзина страны, тем меньше у нее возможностей для внешней торговли со странами аналогичного уровня развития (в особенности, если они имеют близкую экспортную специализацию), тем меньше возможностей для интеграции национальных экономик и, соответственно, меньше экономическая потребность в межгосударственной интеграции и меньше шансов на ее успешную реализацию. Очевидно, что страны СНГ еще не достигли экономического порога интеграционной зрелости, необходимого для успешной межгосударственной интеграции по образцу ЕС.

Для успешной межгосударственной интеграции требуется идеологическое обоснование, способное обеспечить активность элит и рекрутировать широкую поддержку населения. Для экономических операторов межгосударственная интеграция мгновенно увеличивает конкуренцию со стороны иностранных производителей, а позитивные последствия наступают лишь в долгосрочной перспективе. Для политических элит межгосударственная интеграция означает частичную утрату контроля за экономической политикой. Для населения межгосударственная интеграция угрожает потенциальным размыванием национальной идентичности. Кроме того, межгосударственная интеграция может потребовать выравнивания экономических диспропорций между членами интеграционной группировки и перераспределения общественного продукта.

Все упомянутые негативные факторы особенно интенсивно действуют на начальном этапе межгосударственной интеграции, когда экономическая выгода от нее малозаметна общественному мнению. Именно поэтому на знамени межгосударственной интеграции помимо обещаний грядущей выгоды должна присутствовать общественно значимая идея. В Западной Европе такой идеей стало стремление избежать продолжения «серии страшных националистических войн» и «воссоздать европейскую семью». Декларация Шумана, с которой идет отсчет истории европейской интеграции, начинается словами: «Дело защиты мира на всей земле требует усилий, прямо пропорциональных той опасности, которая ему угрожает». Выбор угледобывающей и сталелитейной отраслей для начала интегрирования был обусловлен именно тем, «что в результате объединения производства невозмож-

ность войны между Францией и Германией станет совершенно очевидной, и более того материально невозможной».

Сегодня в СНГ отсутствует идея, способная стимулировать межгосударственную интеграцию; ее появление в обозримом будущем маловероятно. Распространенный тезис о стремлении народов постсоветского пространства к реинтеграции – не более чем миф. Говоря о желании реинтеграции «единой семьи народов», люди сублимируют свои ностальгические чувства о стабильной жизни и о «великой державе». Кроме того, население менее развитых стран СНГ связывает с реинтеграцией надежду на материальную помощь стран-соседей. Какой процент россиян из числа поддерживающих создание Союза России и Белоруссии положительно ответит на вопрос: «Готовы ли вы к ухудшению вашего личного благосостояния для оказания помощи братскому народу Белоруссии?»? А ведь помимо Белоруссии в СНГ есть государства с гораздо более низким уровнем экономического развития и с гораздо большим числом жителей.

О реальном отношении к лицам иной национальности лучше всего говорят цифры. Только в Россию и только по официальным данным в 1992–1998 гг. из стран СНГ эмигрировало более 5 млн. человек. Грубое самоутверждение коренной национальности, ограничение прав иного – «русскоязычного» населения, целый ряд вооруженных конфликтов – вот свидетельство укорененности в общественном сознании идеи «семьи братских народов». Не является исключением из этого правила и Россия, где один лишь внешний облик «лица кавказской национальности» гарантирует как минимум пристальное внимание органов внутренних дел. Еще меньше стремление к реинтеграции среди элит большинства новых независимых государств. Получив государственную независимость, политическое руководство стран СНГ превратило ее в независимость абсолютную, в том числе и в независимость от собственных народов. Самым ярким примером такого независимого лидера является пожизненный глава государства, Туркменбаши (вождь всех туркмен мира) Сапармурат Ниязов. Это крайний случай, однако авторитаризм укоренен в политической культуре всего постсоветского пространства. Межгосударственная интеграция – это всегда самоограничение, отказ от определенной доли независимости. Политические элиты стран СНГ явно не горят желанием отказываться от сладкого плода независимости, приносящего реальные политические и экономические дивиденды. Следует признать, что в СНГ отсутствует широко разделяемая идея, способная компенсировать все политические и экономические издержки межгосударственной интеграции.

Важнейшей предпосылкой межгосударственной интеграции является политическая зрелость государств-участников, прежде всего, – развитая плюралистическая демократия. Во-первых, развитая демократия создает механизмы, подталкивающие правительство к открытию экономики и обеспечивающие противовес протекционистским тенденциям. Только в демократическом обществе потребители, приветствующие увеличение конкуренции, в состоянии лоббировать свои интересы, так как они являются избирателями; и только в развитом демократическом обществе влияние потребителей на властные структуры может стать сопоставимым с влиянием производителей.

Во-вторых, лишь государство с развитой плюралистической демократией является надежным и предсказуемым партнером. Никто не станет проводить реальные интеграционные мероприятия с государством, в котором царит социальная напряженность, периодически выливающаяся в военные путчи или войны. Но даже внутренне стабильное государство не может быть качественным партнером для межгосударственной интеграции, если в нем неразвито гражданское общество. Лишь в условиях активного участия всех групп населения возможно найти баланс интересов и тем самым гарантировать эффективность принимаемых в рамках интеграционной группировки решений. Неслучайно вокруг органов ЕС образовалась целая сеть лоббистских структур – более 3 тыс. постоянных представительств ТНК, профсоюзов, некоммерческих ассоциаций, союзов предпринимателей и других НПО. Отстаивая свои групповые интересы, они помогают национальным и наднациональным структурам находить баланс интересов и тем самым обеспечивают стабильность ЕС, эффективность его деятельности и политический консенсус.

Не имеет смысла подробно останавливаться на анализе степени развития демократии в странах СНГ. Даже в тех государствах, где политические реформы идут наиболее успешно, демократию можно охарактеризовать как «управляемую» или «фасадную». Особо отметим, что и демократические институты, и правосознание развиваются крайне медленно; в этих вопросах время следует измерять не годами, а поколениями. Приведем лишь несколько примеров того, как государства СНГ выполняют взятые на себя интеграционные обязательства. В 1998 г., после падения курса рубля, Казахстан, в нарушение соглашения о Таможенном союзе, без каких-либо консультаций ввел 200-процентную пошлину на все российские продовольственные товары. Киргизия, вопреки обязательству в рамках Таможенного союза придерживаться единой позиции на переговорах с ВТО, в 1998 г. вступила в эту организацию, что сделало невозможным введение единого тамо-

женного тарифа. Белоруссия на протяжении многих лет не перечисляет России пошлины, собранные на белорусском участке единой таможенной границы... К сожалению, страны СНГ еще не достигли политической и правовой зрелости, необходимой для межгосударственной интеграции.

* * *

В целом очевидно, что страны СНГ не соответствуют условиям, необходимым для интегрирования по образцу Европейского союза. Они не достигли экономического порога интеграционной зрелости; в них еще не сложились ключевые для межгосударственной интеграции институты плюралистической демократии; их общества и элиты не сформулировали широко разделяемой идеи, которая могла бы инициировать интеграционные процессы. В подобных условиях сколь угодно тщательное копирование сложившихся в ЕС институтов и механизмов не даст никакого эффекта. Экономические и политические реалии постсоветского пространства настолько сильно сопротивляются привносимым европейским технологиям интеграции, что неэффективность последних очевидна. Вопреки множеству соглашений экономики стран СНГ расходятся все дальше и дальше, взаимозависимость уменьшается, а фрагментация нарастает. В обозримом будущем интеграция СНГ по образцу Европейского союза представляется весьма маловероятной. Это, однако, не означает, что экономическая интеграция СНГ не может идти в каких-либо других формах. Быть может, более адекватной моделью была бы НАФТА и строящаяся на ее основе панамериканская зона свободной торговли.

Вопросы и выступления

Хомра А.У.: Насколько я понял, существует два этапа формирования интегрированности Европейского Союза: первый – уровень зрелости и второй, когда появилась группа интеграторов, которая притягивает к себе другие страны. Вопрос таков: кто даст гарантию, что когда-либо на уровне СНГ будет выполнен первый критерий, после чего появится возможность для выполнения второго критерия?

Кавешников Н.Ю.: Вы знаете, гарантий у нас, к сожалению, в жизни настолько мало, что никто не даст гарантию. Я бы переформулировал Ваш вопрос так: существуют ли в СНГ силы, которые желают достижения интеграционной зрелости и создания интеграционного ядра? Я думаю, что существуют. Сумеют ли эти силы возобладать над своими оппонентами – это большой вопрос.

Хомра А.У.: Тогда получается, что это волевой акт?

Кавешников Н.Ю.: Волевой акт – безусловно, но прежде чем наступит время волевого акта, должны быть некие объективные условия. До сих пор у нас в интеграции на пространстве СНГ существуют только волевые акты, и именно поэтому, на мой взгляд, итоги не очень успешны.

Хомра А.У.: Я продолжу дальше: если волевых актов не будет, то и объективных условий не возникнет?

Кавешников Н.Ю.: Если волевых актов не будет, то объективные условия могут сложиться, но не вызвать интеграции, Вы абсолютно правы. Ничего предсказуемого и предопределенного нет, интеграция – это не некая данность, которая неизбежно придет, это совокупность как объективного, так и волевых актов.

Емешин К.Н.: Хотелось бы сделать ряд замечаний в связи с обсуждаемой проблемой интеграции на постсоветском пространстве. Прежде всего я бы не суживал саму проблему. А именно, говоря об «интеграции», необходимо иметь в виду не только «интеграцию бюрократии», что, безусловно, важно, но и рассматривать более широкий круг проблем взаимоотношений со странами СНГ, которые являются предпосылками и «заказчиками» на интеграцию. В реальной политике этот аспект как-то тоже недооценивается. Процессы интеграции сводятся к упрощенной схеме создания каких-нибудь помпезных союзов, создания надгосударственных органов и т.д. В результате можно согласиться, что такие союзы не работают, остаются лишь политическим шоу.

Научный анализ крайне необходим для реальной политики. Так, например, политическая элита Алтайского края крайне заинтересована в научных обоснованиях взаимодействия региона с другими странами. Сегодня делегация Алтайского края во главе с губернатором находится в Казахстане. До этого были визиты в Аргентину, Кипр, Китай. Созданы представительства Алтайского края в Германии, Белоруссии, Монголии. Зачем все это? Чему отдать приоритет?

Реально цифры показывают, что в начале 2003 г. иностранные инвестиции в край составили всего 500 долл. Кое-кто подумает, что я ошибся и опустил слово «миллионы». Ничего подобного, именно долларов. Опыт взаимодействия края с Белоруссией показал, что обе стороны надеялись лишь обменяться сельхозтехникой «на халяву» за счет союзного бюджета.

С Украиной для Алтая важна проблема торговли сахаром.

Со странами СНГ, особенно Казахстаном, важна проблема миграции. К сожалению, Алтайский край не занимается вплотную этой проблемой, так как она относится как бы к федеральному ведомству.

Тем не менее она крайне актуальна и могла бы внести существенный вклад в решение демографических и социальных проблем края.

А возникшая в последние полгода проблема гражданства в связи с принятием нового российского законодательства? Многие люди, живущие в крае, не могут получить российский паспорт, так как они вдруг формально оказались гражданами других стран.

Так что для реальной политики в регионах крайне важен научный анализ интеграционных процессов СНГ. И не надо ограничиваться только обсуждением вопроса интеграции бюрократий.

Кавешников Н.Ю.: Спасибо Вам большое, я действительно с Вами согласен. Помимо интеграции есть еще и внешняя политика во всех ее проявлениях, в том числе и построение миграционной политики, и ведение политического диалога с соседними странами, в том числе и для защиты проживающих там русских граждан, и для достижения других целей. Безусловно, этим вопросам нужно уделять внимание, просто, в строгом смысле, все эти вопросы – это не интеграция, а внешняя политика. Интеграция – это строительство неких долговременных структур, которые выполняют либо политические функции вместо государств, либо экономические.

Шарап С.: Спасибо большое за Ваш интересный доклад, у меня два конкретных вопроса: во-первых, как Вы считаете, сразу после распада СССР была ли возможность по-настоящему интегрироваться, поскольку сейчас лидеры СНГ занимаются этим вопросом, но сегодня слишком поздно? И второй вопрос касается Вашей идеи по поводу того, что только плюралистические демократии требуют экономической интеграции. Здесь только Мексика является исключением, поскольку эта страна объединилась с НАФТА, но нельзя сказать, что это тоталитарный режим – это однопартийное государство на протяжении 70 лет.

Кавешников Н.Ю.: Очень интересные вопросы. По поводу распада СССР бытует миф, что сразу после него экономики новых государств были настолько реально интегрированы, что действительно нужно было только по-минимальному умные принять решения, и процесс пошел бы с гигантской скоростью. К сожалению, это миф. Большинство экономических связей, доставшихся в наследство от СССР, были искусственными и экономически нерентабельными, они были обусловлены любыми факторами, кроме экономики: фактором развития военной промышленности, демографическим и политическим факторами развития относительно отсталых по сравнению с центром окраин, но не экономикой как таковой. Что касается Мексики, действительно, я с Вами согласен, ее нельзя на 100% назвать плюралистиче-

ской демократией, не будем точно измерять, сколько будет в процентах. В действие вступил другой фактор – слишком велика притягательная сила США как центра интеграционной группировки. «Бедная Мексика, как ты несчастлива, ты так далеко от Бога, но так близка к Соединенным Штатам» – это старинная поговорка. Близость и влияние США подтолкнули Мексику к процессам интеграции, которые, кстати, так и затормозились на зонах свободной торговли и дальше не пойдут, что не нужно ни Мексике, ни США. Более того, в НАФТА сейчас серьезные проблемы. По крайней мере, были планы, что НАФТА распространится на всю Латинскую и Южную Америку, но сейчас на этих планах почти поставлен крест.

Литвинова А.М.: Вы подробно рассказывали о возможности интеграции, и в этой связи вопрос: те шаги, которые сейчас Россия предпринимает по поводу вступления в ВТО – это, на Ваш взгляд, некоторое отражение интеграции, как объективного процесса, или это некоторый вариант субъективной интеграции по воле конкретных политиков, или это просто дань политической моде, прозападному направлению?

Кавешников Н.Ю.: Созрели ли Вы для ВТО? Прежде всего, маленький нюанс, ВТО – это все-таки не интеграционное объединение, ВТО – это некий клуб, где существуют правила поведения на внешнем рынке и правила разрешения торговых споров, правила субсидирования отдельных отраслей промышленности. Я полагаю, что в целом, как страна, мы к вступлению в ВТО готовы и вступать нам нужно. Другой вопрос, что нам не нужно форсировать процесс вступления и нам нужно продолжать вести переговоры. Один из немногих внешнеполитических вопросов, в котором я полностью поддерживаю российское правительство – это то, как ведутся переговоры с ВТО. Они ведутся очень неторопливо и очень жестко, потому что их жестко ведут наши партнеры, в частности та же Европа, которая предъявляет нам такой пакет требований, каких не предъявляли никаким другим странам при их вступлении в ВТО. Так что торговаться, безусловно, нужно.

Какое влияние окажет вступление в ВТО на отечественную промышленность – это весьма большой вопрос. Я могу отослать вас к большой монографии, которую в прошлом году издал Институт мировой экономики и международных отношений. Но в целом эффект не просчитывается – это невозможно в принципе, краткосрочных выгод, абсолютно точно, никаких, долгосрочные выгоды возможны, но в основном смысл нашего членства в ВТО в том, чтобы участвовать в переговорах относительно новых правил, которые там формируются.

Если мы будем вне ВТО, то эти дополнительные новые правила будут писаться без нас, и нам позднее придется их просто принимать. Если мы сейчас вступим в ВТО, мы сможем принять участие в написании будущих правил мировой торговли.

Карпов М.В.: Краткое замечание: здесь поднимался вопрос о миграционной политике и интеграции, о проникновении иностранного капитала с последующими возможными изменениями политического режима, как это было в Латинской Америке, в Чили, например, в 1973 г. Это, с моей, может быть, циничной точки зрения, происходит сейчас в отношениях между Россией и Белоруссией, когда идет активное проникновение российского капитала, все скупается, а потом можно и Лукашенко что-нибудь предложить.

Кавешников Н.Ю.: Тут действительно две стороны медали: вообще российское отношение к иностранным инвестициям всегда было несколько шизофреничным. С одной стороны, мы говорили: «Почему в нас не инвестируют иностранцы?», с другой стороны, мы говорили: «Страшно, в нас инвестируют, все скупают – нам ничего не останется». Надо определиться, чего мы хотим. Тут скорее вопрос о точной дозировке и законодательной регламентации того, куда мы хотим, чтобы в нас инвестировали, и на каких условиях. Что касается примера с Белоруссией – я согласен, один из нескольких и очень мощный очаг влияния, который Россия имеет на постсоветском пространстве – это то, что объективно Россия экономически наиболее развита и объективно Россия – главный кредитор региона. В основном страны СНГ должны России, а не наоборот. Россия регулярно пытается форсировать процесс обмена этих долгов на конвертируемую собственность, чему страны СНГ более или менее успешно сопротивляются. В Белоруссии же процесс зашел дальше всего, и это один из способов существенным образом изменить и политическую обстановку, и, возможно, каким-то образом трансформировать экономические реалии в политические решения интеграционного характера. Если так пойдет дело, то можно с уверенностью говорить, что для населения Белоруссии это будет выгодно. Не знаю, как для политической элиты, но население от такого развития событий только выиграло бы. Хотя, подчеркну, это моя личная точка зрения.

Дериглазова Л.В.: Я очень рада, что мне предоставили слово, и я хотела оспорить Ваш интересный тезис о том, что в пользу экономической интеграции голосуют потребители, и то, что в первую очередь плюралистические демократии являются той основой, которая позволяет строить устойчивые экономические интеграции. Если Вы знаете, события последних десятилетий в ЕС показывают, что как раз потре-

бители не голосуют за развитие экономической интеграции, существует так называемая проблема демократического дефицита, когда большинство граждан Европейского Союза голосовало против продолжения интеграции, против расширения Союза, и для продолжения этого процесса экономической интеграции требуется определенная политическая воля и некие политические жертвы. Особенно ярко это проявляется в тех странах, где население считается наиболее политически активным и образованным, например, Дания, Нидерланды. Насколько обоснован тезис, который Вы предложили, и, может быть, Вы поясните, на какие данные Вы опираетесь?

Кавешников Н.Ю.: Спасибо за вопрос. Мне представляется ситуация следующим образом: действительно, в ЕС где-то с середины 90-х гг., еще при ратификации Маастрихтского договора в 1993–1994 гг., возник кризис легитимности, когда население стало все больше выражать неодобрение по поводу того, как ЕС функционирует. Противоречит ли это моему тезису? Мне кажется, что не вполне. Прежде всего, к тому времени собственно экономическая интеграция, единый рынок были практически построены, и большую часть экономических выгод от интеграции потребитель уже получил. Против чего возражали граждане ЕС? Они возражали не против существования Европейского Союза, а против недемократичности органов ЕС. Европейский парламент избирается населением Европы, но слабо участвует в законодательстве, Европейская Комиссия никак не зависит от граждан Европы.

Второе состоит в том, что граждане ЕС довольно сильно возражали против расширения Европейского Союза, которое означало для них присоединение к большой коммунальной квартире очень многих бедных соседей, а это мгновенный выход на европейские рынки труда множества болгар, поляков, венгров, которые очень сильно ухудшат положение на рынках труда. Это, наконец, дотации, которые Европейский Союз вынужден будет этим странам предоставлять. Против углубления интеграции как таковой население не очень сильно возражает, я Вам рекомендую обратиться к данным Евростата, где есть регулярный вопрос о том, как вы оцениваете уровень интеграции в определенных сферах (20 сфер), и, как правило, большая часть европейцев либо поддерживает нынешний уровень интеграции по этим сферам, каждой отдельно, либо даже хочет увеличения интеграции. А недолюбовство ЕС вызвано именно недемократичностью его органов.

Т.Е. Бейдина

**Специфика интеграционных процессов в Европе,
в Евразии и на постсоветском пространстве:
сходства и различия**

Россия географически находится между Европой и Азией – мощнейшими полюсами интеграции – и стоит перед необходимостью вести конструктивный диалог в целях регулирования взаимозависимости мировой политики и международных отношений. Интеграционные процессы переросли интеграцию экономическую, интеграцию социальную, утвердились на Западе. Они переплелись в «Золотом треугольнике роста» (южно-китайская экономическая зона) и поставили перед Россией вопросы о выборе союзников по интеграционному взаимодействию. Если это вопрос сегодняшнего дня, то тенденция к созданию единого центра – это вопрос будущего России. Очевидно, что без концентрации усилий нельзя создать единое экономическое пространство и безопасную территорию.

Интеграция – это процесс длительный, постепенный, не терпящий методов быстрого натиска. Для России, примкнувшей к «большой семерке», эта постепенность неприемлема, ибо у нее нет выигрыша исторического времени. Все семь ведущих стран мира (США, Великобритания, Канада, Италия, Франция, ФРГ, Япония) имеют интеграционный опыт макроэкономической финансовой политики, децентрализации.

Конечно, разные уровни развития и степени рыночных преобразований нередко воспринимаются как препятствие для интеграции. Но и в ходе строительства Европейского союза этот фактор утратил значение. Именно поэтому выдвигается модель ступенчатой интеграции или «Европы концентрических кругов». Внутри союза образуется ядро из наиболее продвинутых стран, а вокруг него – круги стран с последовательно снижающейся глубиной интеграции.

Трудности интеграционного расширения ЕС связаны с совершенствованием интеграционной структуры. В настоящий период функционируют три уровня объединенной Европы: Евросоюз, национальное государство, европейские регионы. Практика европейского единства идет по пути развития согласительных отношений между центром и регионами в федеративных государствах Германия, Австрия, Бельгия. Сложными являются отношения между ЕС и Великобританией, свидетельством чего является политика премьер-министра Т. Блэра относительно евро.

Внутри Европейского Союза разрабатывается единая политика в таких областях, как сельское хозяйство, телекоммуникации, транспорт, энергетика и охрана окружающей среды. Для отношений с внешним миром Союз разрабатывает внешнюю торговую и коммерческую политику и начинает играть все более важную роль на международной арене путем проведения единой внешней политики и политики по вопросам безопасности. Интересы европейцев на международном уровне представляются рядом общих институтов: Европейская Комиссия, Совет министров, Европейский парламент, Суд, Счетная палата. Благодаря институциональным структурам европейская интеграция имеет организованные формы и возможности перераспределения общей доходной базы на решение острых проблем. Интеграция в Европе имеет мощную экономическую базу, опирающуюся на унификацию права (прежде всего, коммерческую).

Среди проблем европейского интеграционного строительства следует обратить внимание на следующее: существует объективное противостояние между экспансией и интенсивной формой интеграции; экономическая унификация осуществляется на наднациональной основе, что резко ограничивает национальный суверенитет, а принцип вето постепенно ликвидируется, решения принимаются большинством голосов. Выравнивание в социальной сфере (минимальной заработной платы, социального обеспечения, пособий по безработице и т.д.), а также единая аграрная пошлина стали предметом острых конфликтов между Германией, Великобританией, Данией, Голландией, с одной стороны, и Грецией, Испанией, Португалией – с другой.

Интеграционный процесс объективен. Он реализует потребности межевропейского разделения труда, единого хозяйственного комплекса. Все интеграционные процессы взаимосвязаны. Европейский Союз ускорил организационное создание Североамериканской ассоциации свободной торговли (НАФТА), что, в свою очередь, привело к созданию в АТР интеграционных структур (АСЕАН, АТЭС).

Европа будет в XXI в. крупным центром мирового сообщества и одновременно одним из главных действующих лиц новой системы международных отношений. В целом, западноевропейскую интеграцию можно охарактеризовать как конфликтно-компромиссный процесс объединения государств в начале в экономической сфере, а затем и в других областях общественной жизни. Создание наднациональных структур, регулирующих все виды интеграционных процессов, их развитие является особенностью европейской интеграции.

Создание собственного полюса России в Европе и Евразии предполагает развитие отношений со странами СНГ на бывшем постсовет-

ском пространстве. Есть возможность совместных усилий России с Казахстаном. Перспективы у этого союза есть, ибо большинство интересов России и Казахстана совпадают, а многие проблемы безопасности страны могут решить только совместными усилиями.

Во-первых, допустима вероятность, что в долгосрочной перспективе Россия и Казахстан могут оказаться лицом к лицу с угрозой конфронтации с Китаем, претендующим на роль второй супердержавы XXI в. Не приобретая заинтересованных союзников, Россия рискует оказаться один на один с китайской угрозой. На Западе открыто обсуждается, например, возможность канализации китайского демографического давления в XXI в. на освоение Сибири и Дальнего Востока. Далеко не однозначно прогнозируются и модели внутривосточного развития Китая в XXI в., нет гарантии, что Китай в перспективе не будет стремиться к решению внутренних проблем за счет внешней экспансии. Казахстан в связи с возможностью китайской экспансии представляет собой слабовооруженную страну с большими просторами для заселения. На встрече в Бишкеке в 1999 г. китайской и казахстанской сторонами было официально объявлено об отсутствии погранично-территориальных проблем.

Во-вторых, еще одна точка соприкосновения интересов России и Казахстана – угроза исламского экстремизма. Для России важным является то, что Казахстан – наименее исламизированное государство на постсоветском пространстве Центральной Азии, а большая часть казахстанских элит ориентирована на светскую государственность. В то время как российское руководство обеспокоено в отношении процессов, происходящих в районах компактного проживания российских мусульман, казахстанское руководство обеспокоено радикализацией ислама в южных районах Казахстана. Эти тенденции должны подталкивать Россию и Казахстан к сотрудничеству в борьбе с исламскими или любыми другими религиозными экстремистскими организациями.

В-третьих, Казахстан, как и Россия, подвергается экспансии со стороны международного наркобизнеса. Через эти страны не только проходит «Шелковый путь смерти» в Европу; Казахстан, как и Россия, принимает значительную часть афганского героина на своей территории. По оценкам экспертов ООН, объем наркотранзита может достигать 100 т. ежегодно. Следовательно, борьба с незаконным оборотом наркотиков – еще одна актуальная задача, которая должна решаться Россией и Казахстаном совместно.

В-четвертых, экономика Казахстана во многом замкнута на Россию. На Россию в настоящее время ориентировано 1/3 казахстанского

внешнеторгового оборота. Высока степень взаимодополняемости и взаимозависимости российской и казахстанской экономики. Велик уровень экономической интегрированности приграничных регионов двух наших государств. Так, доля Казахстана во внешнеторговом обороте Алтайского края составляет 54%, где на Казахстан приходится около 64% всего краевого экспорта. 61% всего импорта Восточно-Казахстанской области приходится на Россию, в том числе до 25% – на пограничный Алтайский край. Эти обстоятельства также обуславливают привязку России и Казахстана друг к другу и взаимную заинтересованность в политической стабильности в Центрально-Азиатском регионе.

Существуют и препятствия развитию реальной интеграции России с Казахстаном, Беларуссией и другими странами СНГ. Среди проблем можно выделить: 1) возможность реэкспорта нефти и стратегического природно-энергетического сырья другими странами; 2) различия в стоимости рабочей силы в странах Содружества, в налогах на прибыль, рентных платежах; 3) степень и темпы рыночных преобразований в России, Беларуссии далеко не совпадают, а это влечет за собой вереницу отдельных согласований и решений в ходе бесконечно долгих переговоров стран, столь различных по своему экономическому положению; 4) там, где речь идет о возможности получения односторонних преимуществ во внешней торговле, будь то со странами СНГ или дальнего зарубежья, возникают и будут возникать расхождения принципиального характера. Вот почему вместо партнерства между некоторыми странами разворачивается конкурентная борьба, которая препятствует интеграционному взаимодействию.

Транспортные коммуникации и магистрали соединяют Россию и страны СНГ в одно целое. Их объединяют также стремление к единому военно-стратегическому пространству, совместной охране границ (создание новых чрезвычайно дорого).

Наряду с экономическими огромное значение имеют и социогуманитарные аспекты жизни народов СНГ (Белоруссия, Казахстан). Суть дела в реальных человеческих связях, складывающихся многие десятилетия общих исторических судьбах, породивших в сознании миллионов людей устойчивые представления об общности народов, в культуре, языке как средстве общения.

Более острые, конкурентные характеристики существуют в евразийской интеграции, где превалирование государственных интересов создает дезинтеграционное поле. Это и составляет особенности интеграционных процессов в Евразии.

Вопросы и выступления

Карпов М.В.: Татьяна Евгеньевна, Вы подняли очень большой круг вопросов, и у меня будет два вопроса. Первый: как Вы формулируете себе китайскую угрозу: как военную, демографическую, и что это за угроза? И второй вопрос. Вы говорите, что военный потенциал накапливают Япония, Китай, а у Казахстана, наоборот, это проблема. Не могли бы Вы более конкретно это прокомментировать, т.е. как Вы видите военно-политическую и демографическую угрозу в регионе в контексте Китая?

Бейдина Т.Е.: Во-первых, угроза – это фактор, который обуславливает нестабильность в том или ином регионе, на том или ином континенте. Спектр факторов, определяющих угрозу в каком-либо регионе, конечно, разный. Если мы берем регион, связанный с Китаем, то, как убеждает мировой опыт, трудно достичь определенных результатов, развиваясь изолированно от мирового сообщества. И как раз китайская модернизация показывает, что позитивный опыт не интегрирован. Поэтому возможно лишь успешное включение в мирохозяйственные связи, но в то же время мы видим, что современный период – это период осознания национальной исключительности. И 2040 г. – это будет пик наибольшего могущества Китая. К сожалению, объективные данные показывают, что демографические угрозы существуют, это и факт присутствия большого количества эмигрантов, незаконных в том числе.

Россия осознала, что без демографической поддержки государств Азии она не решит экономических проблем. Но в то же время страшна незаконная эмиграция. Никто не знает реальных цифр присутствия китайцев на территории РФ, поэтому те иммиграционные проблемы, которые возникли у России, привели, конечно, к изменению миграционного законодательства, к введению миграционных карт, но миграционные процессы на данный момент Россия до конца не контролирует. Поэтому ужесточение миграционного законодательства является для России необходимостью.

Если расставлять приоритеты по китайской угрозе, то, конечно, это опасность экономического проникновения на территорию России, она связана с тем, что китайцы заняли все экономическое пространство до Урала и очень активно используют его, включая ресурсы. Поэтому оценка природно-энергетических ресурсов как факторов интеграции, просто необходима, потому что России входить в интеграционные связи, не спекулируя, грубо говоря, своими природными ресурсами, невозможно. Россия не имеет значительных демографических

условий для популяции, она имеет природные ресурсы. Поэтому угроза экономического проникновения налицо, экономика России до Урала работает на экономику Китая, создавая тем самым большие темпы могущества. Есть демографическая угроза, что особенно актуально в условиях уменьшения численности населения России, старения. Сегодня активно жалели наших мужчин, которые в Забайкалье доживают до 56 лет, что тоже является проблемой.

Китай вкладывает инвестиции в 95 стран мира, но в Россию он инвестировать не хочет. Уровень инвестиций, в частности в пограничную Читинскую область, составляет 0,002% – это уровень общефедеральных инвестиций, хотя красной строкой идет 60 млн. на развитие Забайкальска, как опорной точки роста на Китай. Кроме того, особенность интеграционных проявлений, конечно, хорошо видна в Забайкалье, где на базе естественных экономических предпосылок все-таки создается крупный социально-производственный комплекс с центром в китайском городе Манчжурии. Этот город формируется как агломерация, в частности, со стержнем авто- и железнодорожных коммуникаций, в том числе на основе ресурсной базы приграничных регионов. Поэтому угрозы – это то, что уменьшает развитие и препятствует ему, и проблема интеграции с этим тесно связана. Так, например, дезинтеграционные процессы до сих пор не приостановлены как внутри России, так и на постсоветском пространстве. Ведь для России очень неприятно иметь такое антироссийское лобби на своем бывшем пространстве.

Военный потенциал – тоже угроза. Если Европа разоружается, то Азия вооружается.

Барabanов О.Н.: Татьяна Евгеньевна, Вы очень интересно говорили о специфике и реалиях китайского присутствия на Дальнем Востоке, я хотел бы вас попросить осветить более подробно китайское присутствие в Вашем регионе, Читинской области. Каковы основные тенденции, что больше всего беспокоит население, т.е. какие существуют проблемы?

Кавешников Н.Ю.: Если можно, я добавлю одну фразу: недавно прошла перепись населения, что она показала, сколько китайцев на территории Читинской области?

Бейдина Т.Е.: Проблема китайцев в России на самом деле очень дискуссионная, тем более, что есть демографическое давление. Сколько китайцев, я не знаю, и никто Вам такие цифры не даст. А перепись показала, что 15 тыс. – это 1,5% населения Читинской области, достаточно мало, но тенденция развития динамики присутствия очень негативная, так как очень быстрая. Какие факторы этому способствуют?

Конечно, экономическая составляющая, потому что никто не знает, какими конкретно материальными ресурсами владеют китайцы на территории Читинской области. Можно предположить: идет активная скупка предприятий. Своими ресурсами мы торгуем себе в убыток, когда Китай выступает в роли жениха, а Россия в роли невесты, которая без устали хвалит свои достоинства: и медь, и золото, и уголь. Вторая составляющая – инфекционная, что связано не только с возвратными и входящими потоками миграции, но они не проверяются на предмет опасных для человека заболеваний, а на юге Китая вспышка СПИДа, на Севере – туберкулеза. Много очень проблем существует, среди которых и психологическое восприятие. Так, например, проводились социологические опросы, где спрашивалось, хотят ли китайцы жениться на русской. Выяснилось, что хотят. Стоимость такого брака составляет 2 тыс. долл.

Китайцы здорово изменились, они почти чувствуют себя хозяевами, потому что экономически они почти хозяева. Средняя лесистость у нас составляет 60%, и получается, что мы лес за бесценок продаем, и сложно обвинить того же жителя Читинской области за то, что он продает эту лесину за 500 руб., у него других источников доходов нет. Поэтому мы находимся в разных весовых категориях. Китай выступает в роли силача с накачанными мускулами, а мы в роли далеко не энергичного бойца. Я думаю, что интегративное взаимодействие – это позитивный процесс, но интеграция должна быть все-таки в пользу национального развития. Китай реализовал свой шанс интегративного взаимодействия с Японией, с Америкой, с Малайзией. Сможем ли мы реализовать свой шанс в этом смысле – это вопрос.

О.Б. Подвинцев
**Еще раз к вопросу о целесобразности
сравнения ЕС и СНГ**

В начале 1990-х гг. было немало разговоров о том, что только что созданное Содружество Независимых Государств может и должно развиваться по тому же пути, что и Европейский Союз, и находится в одном типологическом ряду с этим объединением. Несмотря на изменения в динамике и характере интеграционных и дезинтеграционных процессов, которые произошли с той поры как в Европе, так и в постсоветском пространстве, а также общее изменение геополитической ситуации и конфигурации сфер притяжения центров силы в мире, некоторые авторы, среди которых есть и серьезные исследователи, продолжают ставить ЕС в пример СНГ. Между тем в каждом таком слу-

чае, на наш взгляд, игнорируются два принципиальных различия между данными объединениями.

1. Все, что в первую очередь и более всего связывает страны СНГ – сохранившиеся экономические связи, советское культурное наследие, зависимость друг от друга в области вооружений и военной техники и т.д., исходит от прошлого. Все, что более всего и в первую очередь связывает страны ЕС – общность экономических интересов, однородность существующих политических режимов, сочетающееся с геополитическими амбициями стремление отстоять и укрепить позиции европейской культуры в мире и т.д., связано с будущим. СНГ возникло в результате и в условиях распада советской империи и представляет, таким образом, постсистемное образование. Его основной функцией неизбежно становится сохранение памяти о старом, облегчающее адаптацию к новым условиям. Как и Британское Содружество в свое время, оно превращается в «клуб бывших однокашников». Создание ЕС не имело прецедента в прошлом. Это принципиально новое объединение в истории Европы, оно создавалось на новой основе и в новой конфигурации. Его развитие целиком зависит от осознания странами-участницами тех или иных новых потребностей и интересов.

2. В создании ЕС изначально принимало участие несколько сопоставимых по экономическому и политическому весу государств – первоначально Франция и ФРГ, затем к ним присоединилась Великобритания и догнала их по многим показателям Италия. Таким образом, в ЕС отсутствовали возможности для установления гегемонии одного из участников объединения. В этих условиях даже малые страны-участницы – Бельгия, Нидерланды, Люксембург, затем Дания, Португалия и т.д. – имели определенную уверенность в том, что их голос будет услышан и учтен. С расширением ЕС и вступлением в его состав все новых государств гарантии для этого еще более возрастают. Напротив, в рамках СНГ Россия не имеет сопоставимого противовеса. В условиях развития и углубления интеграции с ней даже Украина и Казахстан пока могут претендовать лишь на роль младших партнеров. Малые страны СНГ либо испытывают недоверие к России как великой державе, либо, как у великой державы, ищут у нее покровительства.

Безусловно, нельзя утверждать, что любые интеграционные процессы в постсоветском пространстве не имеют никакой исторической перспективы (так же, как и то, что дальнейшее развитие и расширение Евросоюза обязательно обречено на успех). Однако для того, чтобы успешно проводить политику в этом направлении, как представляется, надо не апеллировать к прошлому и не ориентироваться на него, а, напротив, быстрее избавляться от диктуемых им стереотипов. По на-

шему мнению, следует признать, что восстановление прежней державы невозможно не только в прежнем виде, но и в более-менее напоминающем прежнюю конфигурацию.

Любая империя представляет собой экономическую, социальную и культурную систему, но в основе ее развития лежит принцип политической целесообразности, определяемой имперским центром. При разрушении политической структуры неизбежно следует пересмотр прочих отношений, связывавших народы и земли империи в единое целое. Результаты этого процесса могут оказаться обескураживающими не только для апологетов рухнувшей державы, но и для борцов за независимость тех или иных ее бывших провинций. Однако отсюда вовсе не следует и не может следовать, что экономические, социальные и политические неурядицы, следующие за распадом державы, неизбежно возникающая ностальгия по имперскому прошлому, способны породить признание прежней политической целесообразности, вытекавшей из реалии существования империи.

Если приводить в данном случае европейскую аналогию, то скорее надо вспомнить бывшие земли Австро-Венгрии, которые после распада державы Габсбургов так и не смогли больше собраться вместе, несмотря на обилие ситуаций и факторов, этому благоприятствующих. В числе последних, кстати, был и относительно равновесный в данном случае расклад сил между государствами, составлявшими постимперское пространство.

Какого-то принципиального выравнивания соотношения сил между государствами постсоветского пространства в ближайшее время вряд ли следует ожидать. Более того, с нашей точки зрения, курс на централизацию власти в РФ еще более подрывает надежды на равноправное партнерство со стороны стран СНГ. С другой стороны, расширение военно-политического покровительства России, востребованного в настоящее время рядом бывших советских республик, едва ли можно считать серьезным успехом интеграции, поскольку при существующих тенденциях развития представляется сомнительным, что Россия сможет его эффективно осуществлять в долговременной перспективе, а пророссийские настроения в странах-сателлитах не столь уж сильны.

Таким образом, чем дольше российское руководство, осознанно или нет, будет видеть себя наследником союзного центра и пытаться заниматься «собираанием земель», тем труднее будут идти в постсоветском пространстве реальные интеграционные процессы. Применительно к СНГ это будет означать, что оно все больше будет походить не на Европейский Союз и даже не на Британское Содружество, а на

то, чем была Священная Римская империя – бессмысленный фантом бывшей державы, способный существовать бесконечно долгий период времени.

Вопросы и выступления

Гончаренко А.И.: Я внимательно слушал Ваше выступление и, резюмируя его, я понял, что интеграция в рамках СНГ – занятие бесперспективное. Будьте добры, в рамках практической рекомендации, скажите, нужна ли России интеграция с кем-то, и если да, то с кем? Особенно интересен региональный аспект интеграции, ведь если посмотреть бюджет края, и в частности его раздел «Международные отношения в крае», то можно увидеть, что порядка 1,5–2 млн. руб. отведено для представительств в Германии, недавно появились такие страны, как Белоруссия и Монголия. В этой связи, скажите, краевой Совет у нас на правильном пути в плане интеграции с точки зрения приоритетов?

Подвинцев О.Б.: По поводу конкретных рекомендаций, СНГ – это объединение, которое носит полисистемный характер от наследия прошлого, а не реальное продвижение каких-то интеграционных процессов, т.е. именно в такой конфигурации, в таком виде и с таким наследием у СНГ реально есть два варианта:

1) память о прошлом, и чем дальше, тем больше становящаяся бессмысленной;

2) членство в СНГ превращается в определенный критерий соответствия неким стандартам, которые необходимо задавать, не считаясь с тем, что какие-то страны сразу же окажутся за пределами этого объединения.

Что касается интеграции, скажу, что, конечно, интегрироваться нужно. На самом деле термин «глобализация» часто употребляется сегодня с термином «локализация», потому что эти понятия сильно связаны друг с другом. Оставаться вне интеграционных процессов невозможно, другое дело, в каком виде они выражены в нашей стране. Мне кажется, что в России еще не закончился переходный постсоветский период, что выражено у нас в большей степени, в сравнении с другими бывшими союзными республиками. Ведь границы России во многом неестественны, и они не воспринимаются как естественные. Оставаясь в сегодняшних рамках, не распадаясь дальше, не расширяясь, не образуя какие-то союзы, сможет ли существовать Россия? Мне кажется, сложно ответить на этот вопрос. Другое дело, что это должен быть за союз? Это должен быть союз с теми, кто хочет объединяться.

Но проблема в том, что Россия слишком большая, чтобы ее любили искренне, и слишком слабая в настоящий момент, чтобы заставить себя любить. Поэтому очень трудно найти тех, кто хочет объединяться. Кстати, возникает мысль о том, чтобы сделать Россию меньше, и тогда с ней захотят объединиться, но я не знаю такой политической силы, которая готова была бы взять на себя реальную ответственность развиваться именно по такому пути.

Я первый раз в Барнауле, поэтому по Алтайскому краю мне трудно говорить что-либо. На самом деле развитие межрегиональных связей, конечно, очень важно. Я могу сказать, что в Перми это все активно развивается: у нас Оксфорд побратим Перми, есть побратимы в Германии и Америке, но, честно говоря, указывать на то, что это имеет однозначно позитивный мощный эффект, сложно. Например, развитие межрегиональных связей, которые менее политизированы, за которыми нет наследия прошлого и которые начинаются словно с чистого листа, безусловно, более перспективно, чем развитие каких-то отношений на межгосударственном уровне.

Кругова Н.И.: Я присоединяюсь к мнению, высказанному сегодня не раз о том, что перспективы весьма сомнительные у СНГ. Мне кажется, здесь не был озвучен один подход, который, как мне представляется, необходим для понимания перспектив исторического развития. Речь идет о ментальности, исторической традиции и цивилизационной специфике. Западную Европу, объединившуюся в ЕС, можно рассматривать сегодня, как результат двухтысячелетнего развития. Это единый протестантско-католический регион. Россия же сама является частью православного мира, Украина православная, Белоруссия православная, Грузия православная, Армения принадлежит к армяно-григорианскому миру, и никто не может объединиться! Почему? Потому что православие как религия не предполагает никакого единства. Православие как религия не объединяет и не разъединяет народы, потому что, например, Украина настаивает на том, что у нее своя церковь. Когда разыгрался сербский кризис, то у нас В.В. Жириновский с трибуны говорил о том, что русские и сербы – братья, потому что у нас единая православная церковь. Да никогда сербская православная церковь не признавала главенство русской православной церкви! Также как и Украина сама по себе, Белоруссия сама по себе и тем более мусульманский мир. С кем мы хотим объединиться?! Мусульмане вообще не хотят ни с кем объединяться, они сами по себе на протяжении всего своего исторического развития. Посмотрите, как китайцы умело, ловко, постепенно вписываются в современный мир! И у них наибольшие перспективы, в отличие от ислама, который отторгает себя.

Вот здесь постоянно звучит вопрос: что можем мы практически рекомендовать политикам? Я думаю, что дело даже не столько в политиках, потому что они не очень-то прислушиваются к мнениям, а имеют свое мнение. Поэтому речь должна идти о развитии общественного сознания. Более того, всем выступавшим здесь нужно выходить на более широкую аудиторию. Потому что у нас получается здесь свое сообщество, мы понимаем друг друга, мы можем здесь и поспорить, и согласиться, и в кулуарах поговорить, но ведь за пределами этого общества совсем другой мир. Поэтому нужно искать пути воздействия на общественное сознание и формирования нового типа общественного сознания. А политики должны только не навредить, ведь всякое шарханье – вот что опасно, а если смотреть на происходящие процессы с точки зрения развития цивилизации, все идет своим путем.

Подвинцев О.Б.: Спасибо, я хотел еще уточнить, что в процессе европейской интеграции уже давно принимает участие и православная церковь.

Карпов М.В.: По поводу интеграции в рамках России. Я сам из Москвы, москаль, так сказать. Москву все ругают за то, что она не занимается региональными проблемами, но она и не будет ими заниматься. Когда люди из Сибири приезжают в Москву, то московские чиновники им говорят: «Извольте доказать, что Сибирь нужна России!». С моей точки зрения, необходима консолидация регионов. Следовательно, виновата в этом процессе не только Москва, но и отчасти сами регионы. Ведь в додефолтовский период хотели играть с Москвой в кошки-мышки, ведь не была произнесена идея федерации или конфедерации, была лишь идея лоббировать Москву и играть без правил.

Второй момент по поводу ловкой интеграции китайцев. Вы знаете, когда разразился весь этот международный ажиотаж по поводу атипичной пневмонии, то лично меня сильно удивило то, что на Китай повесили всех собак: от нарушения прав человека до самой атипичной пневмонии. Не было ни одного голоса не то что в защиту, а просто вразумительного голоса о том, что все не так плохо. Я сравниваю это с позицией Запада по Чечне, которая очень сложна, и мы видим целую палитру точек зрения от крайне негативных, до понимающих. Следовательно, когда есть палитра, есть из чего выбирать. Когда в Китае началась атипичная пневмония, не было никакой палитры! У меня лично возникает вопрос: в какой степени китайцы тогда интегрировались в мир, если их так палили?

Бейдина Т.Е.: Вы знаете, мне стало обидно за регионы и за СНГ, в связи с чем вопрос к Олегу Борисовичу. У Вас убийственная характеристика-сравнение СНГ с постимперской ностальгией. Вообще рос-

сияне необычные люди, они себя не любят, в том числе свою историю. Россия необычная империя, например, в Тифлисе после присоединения Грузии царя встречали все грузинские князья и графы.

В 1993 г. Митрофанов сказал, что нечто под названием СНГ доказывает свою жизнеспособность. С этого момента прошло 10 лет, в связи с этим, Олег Борисович, Ваши прогнозы краха СНГ? России без интеграционного взаимодействия не выжить, Вы отнимаете у нее эту надежду, так сколько же лет Вы отводите СНГ?

Подвинцев О.Б.: Во-первых, миф о том, что наша империя необычная и создается мирным путем на добровольных началах, существует в мифологии почти любой империи: и в Британской, и во Французской, и в империи Габсбургов, где Вы найдете утверждение о том, что большая часть народов империи не была присоединена насильственным путем, а все вступали добровольно либо в силу обстоятельств или факторов. Но в большинстве случаев это все-таки миф, который не соответствует реальности. То, что касается будущего СНГ, оно может существовать сотни лет, как, например, Священная Римская империя германской нации существовала сотни лет.

Бейдина Т.Е.: Да, но каждая империя имеет свой цикл.

Подвинцев О.Б.: Я говорю о видимости, о тени империи, вот Вы говорите, что Вам дает надежду существование СНГ. Мне кажется, что основная цель существования СНГ состоит в той миссии, которую выполнило это объединение. Жить в великой державе и оказаться в сегодняшнем государстве – это действительно большая душевная травма.

Относиться к СНГ как к составляющему экономических, социальных факторов нельзя. Если рассматривать экономическую, политическую систему, то дифференциация происходит во всех отношениях. Чем дальше, тем больше страны СНГ расходятся, ведь речь идет не о двух-трех государствах, которые могут сближаться, а о конфигурации бывших республик Советского Союза, за исключением Прибалтики.

М.В. Карпов

**Реформы экономические и политические:
проблема приоритетов в опыте СССР (России)
и КНР в 80–90-е гг.**

Ряд китайских и отечественных наблюдателей уже более десяти лет утверждают, что Дэн Сяопин, не меняя основ политической системы своей страны, сделал преимущественный упор на хозяйственные реформы, в то время как М.С. Горбачев с самого начала увлекся поли-

тическими преобразованиями, обернувшимися в итоге распадом СССР и острым экономическим кризисом. Далее, зачастую противопоставляется постепенность реформ в Китае и «безоглядный радикализм» преобразований периода перестройки в СССР. Некоторые склонны продолжать цепочку выводов, утверждая, что Дэн Сяопин достаточно ясно представлял себе настроения в китайском обществе и последовательность реформ, тогда как Горбачев «не ведал, что творил».

В самом общем историко-политическом плане процессы общественных изменений в КНР и СССР, связанные с именами их лидеров, я считаю возможным характеризовать как «демаоизацию» и «десталинизацию» соответственно.

Дэн Сяопин в процессе «демаоизации» идейно-теоретически и практически обращался к наследию и опыту так называемой группировки «прагматиков» в китайском партийно-государственном руководстве, в той или иной степени противостоявших Мао Цзэдуна в 50–70-е гг.

Горбачев по своему политическому почерку и с точки зрения общей мировоззренческой эволюции видится мне типичным советским «шестидесятником», но не из тех, кто подался в диссиденты, а из тех, кто связал свою жизнь с партийно-государственной работой.

Дело, однако, в том, что наследство радикального маоизма, которое стремился ликвидировать Дэн Сяопин, и наследие ленинизма-сталинизма, которому противостоял Горбачев, далеко не во всем совпадали. Одновременно теоретический и практический багаж китайских «прагматиков» и советских партийцев-«шестидесятников» также имел существенные различия.

Подавляющее число современных политологов, занимающихся становлением и развитием тоталитарных систем в XX в., сходятся во мнении, что структурообразующим элементом коммунистического симбиоза «партия-государство» является именно партия. Ленин рассматривал партию как основной инструмент мобилизации масс и захвата власти. Сталин – как инструмент режима личной власти и осуществляемых преобразований по строительству социализма в «одной отдельно взятой стране». Проводя широкомасштабные чистки партгосаппарата, Сталин никогда не покушался на партию институционально, т.е. не пытался заменить ее чем-либо иным. Партия-государство в связке с «карающим мечом» спецслужб была в СССР своего рода «медиатором» отношений между вождем и массами.

Что касается Мао Цзэдуна, то он перешел в открытое наступление на партгосбюрократию срезом же после начала отдаления от СССР. Причем речь шла не просто о нейтрализации оппозиции, а о структурной ликвидации институтов партийной власти. Этому была посвящена

вся так называемая культурная революция, к исходу которой маоисты сформировали новые органы власти – ревкомы, состоявшие в основном из представителей лояльного Мао армейского комсостава и хунвэйбинов. В этом смысле задачи «демаоизации», которые взял на себя Дэн Сяопин и уцелевшие «прагматики» после смерти Мао, сводились к ликвидации власти ревкомов и восстановлению партгосорганов в том виде, в каком они существовали до культурной революции. Это была самая настоящая глубокая политическая реформа, предполагавшая закрепление на руководящих постах «прагматиков» – сторонников Дэна, институциональное строительство, реабилитацию репрессированных.

«Десталинизация» в СССР объективно предполагала демонтаж существующего механизма партийно-государственной власти. В СССР – в отличие от КНР – было построено индустриально-урбанистическое общество, в СССР не было ничего подобного культурной революции. Импортозамещающая командно-административная индустриализация зашла в СССР в тупик, что выразилось в падении темпов хозяйственного роста и вырождении форм общественно-политической жизни. Однако переход к новым системным контурам вряд ли мог быть осуществлен по китайскому рецепту.

Придя к власти в апреле 1985 г., Горбачев не поднимал вопрос о политической реформе ни в теоретическом, ни в практическом плане. Лишь потерпев поражение с «ускорением» и познав бесперспективность реформ «а-ля НЭП» в СССР второй половины 80-х гг., Михаил Сергеевич поднял вопрос о начале политического реформирования страны, стремясь преодолеть бюрократическо-институциональное сопротивление курсу 1985 г.

Китайское руководство в конце 70-х гг. тоже выступило с идеей «ускорения» – концепцией «4-х модернизаций». Она, как и «ускорение» в СССР, успехом не увенчалась. Но в КНР на рубеже 70-х-80-х гг. заработало сельское хозяйство, причем инициатива шла снизу, от крестьян, и вовсе не являлась результатом сколько-нибудь продуманной реформаторской политики партии. В СССР в условиях колхозно-совхозной деревни такой инициативы не было и быть не могло.

Выводы

1. Именно Дэн Сяопин начал преобразования в КНР с политической реформы, направленной на упрочение собственных позиций в борьбе с маоистами, тогда как Горбачев, не поднимая вопрос о политических переменах, пытался в первую очередь решить проблему падения темпов экономического роста.

2. Инициативы высшего руководства обоих государств на начальном этапе экономических реформ были во многом идентичны и сводились к попытке добиться резкого ускорения темпов роста без структурно-рыночных реформ. Обе попытки успехом не увенчались, однако в КНР по естественным причинам заработало сельское хозяйство.

3. Нет серьезных оснований полагать, что реформаторский замысел Горбачева был изначально более далеко идущим и политически более радикальным, чем у Дэн Сяопина. Оба лидера субъективно не стремились к разрушению системы власти компартий, и в этом смысле оба «не ведали, что творили».

4. В политическом отношении КНР, видимо, рано или поздно придется пройти через ту или иную форму системной перестройки.

5. Потенциально политически (а также и хозяйственно) кризисная ситуация в КНР, в равной мере как институционально неопределенная ситуация в России (прежде всего в плане недостаточной отработанности отношений между центром и регионами), к которой добавляется крайняя неравномерность уровня и динамики социально-экономического и демографического развития Европейской и больших пространств Азиатской части страны, создают, как представляется, значительные трудности для более тесного взаимодействия между Москвой и Пекином. Это оказывает немалое влияние на интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Государства бывшего СССР, а также такие постсоциалистические страны, как Монголия, с одной стороны, опасаются возрождения Российского империализма, а с другой – китайской экспансии (неважно, чем бы она ни была вызвана: системным кризисом в КНР или, наоборот, резким военно-политическим усилением Китая в регионе). В этой ситуации практический международный опыт показывает, что большинство из этих стран стремятся найти некую третью «точку притяжения», роль которой, вполне естественно, в новых условиях начинают играть США. При этом и Москва, и Пекин рассматривают свои отношения с Вашингтоном как не менее, а по ряду позиций и более важные, чем отношения между собой.

Вопросы и выступления

Боронин О.В.: У меня будет вопрос с репликой. Насколько я понял, Вы полагаете, что отсчет начала китайской реформы можно вести с конца 1978 – начала 1979 гг. Но в этом случае, для меня, например, не совсем понятно, причем тут Дэн Сяопин. В этом случае родоначальником реформ нужно считать Хуа Гофэна – лидера того периода. Следующий момент: да, в первый же год от начала реформ был значи-

тельный экономический рост, но ведь сама по себе политика четырех модернизаций провалилась, потому что от нее сильно веяло политикой «большого скачка», т.е. параметры были заданы невыполнимые. В 1981 г. планы реформы были пересмотрены, тогда же был снят Хуа Гофэн на очередном Пленуме, у власти реально оказался Дэн Сяопин, и мне кажется, что именно этот период – 1982 г. следует правомерно считать реальным началом китайской экономической реформы, но никак не 1978 г.

Можно ли считать политическими преобразованиями суд над «Бандой четырех» и процесс политический реабилитации после прихода к власти Хуа Гофэна после смерти Мао Цзэдуна? На мой взгляд, политическими преобразованиями это считать никак нельзя, потому что это был процесс, который шел внутри неизменной системы. И на этом этапе никакой демаонизации не произошло!

Карпов М.В.: По первому вопросу буквально два слова. Вы подняли колоссальные вопросы, я как раз этими сюжетами сейчас занимаюсь. Первое: весь период после смерти Мао Цзэдуна (сентябрь 1976 – октябрь 1977 гг.) – это был период борьбы между Хуа Гофэном и Дэн Сяопином, с явным преимуществом Дэн Сяопина, которое и закрепилось на III Пленуме 11-го созыва в октябре 1978 г., т.е. динамика здесь была достаточно сложная.

Что касается четырех модернизаций, с экономической точки зрения, инициаторы китайских реформ пошли на то же самое ускорение, что и Горбачев. Четыре шока, четыре модернизации – то же самое ускорение, т.е. попытка модернизации в сроки совершенно нереальные за счет просто мобилизации системы. В итоге эта попытка провалилась и у нас, и у них (китайцев – прим. ред.). Но у них реально заработало сельское хозяйство. Ведь в конце 1977–1978 гг., в самом начале экономической реформы, заработала деревня. У нас она заработать не могла, ее не было. У китайцев деревня сохранилась, несмотря на коллективизацию и т.д. Причем деревня заработала сама, это не было какой-то продуманной политикой партии. Крестьяне сами в декабре 1978 г., когда уже были случаи каннибализма, взяли вилы и пришли к председателю коммуны – все! Другое дело, что группа Дэн Сяопина поддержала эту крестьянскую инициативу, хотя официально коммуны в Китае были распущены только в марте 1982 г., но реально уже к концу 1980 г. в Китае экономическая коммуна уже не существовала. Земля была поделена, начался семейный подряд. Поэтому реформа началась, может, даже раньше, чем я сказал – в конце 1977–1978 гг.

Далее, суд над «Бандой четырех» – это была демаонизация, когда культурную революцию называли феодально-фашистской диктатурой,

когда была проведена массовая политика реабилитации, когда людей вынимали из выгребных ям и возвращали на прежние должности, возвращали дома, отдавали имущество и т.д., я думаю, что это была мощнейшая демагогия. Почему, например, мы называем XX съезд началом десталинизации? Наверное, поэтому же!

Кавешников Н.Ю.: Есть мнение, что Соединенные Штаты начинают, хотя неизвестно, смогут ли до конца, играть роль третьего полюса интеграции в пространстве между Пекином и Москвой. Как Вы лично оцениваете то, что США начинают на этой площадке играть – это хорошо для России или плохо?

Шарап С.: Могу я тоже добавить? Как Вы представляете, какую положительную роль могли бы играть США в этом процессе между обозначенными двумя полюсами?

Карпов М.В.: Я поддерживаю и считаю позитивной роль США с точки зрения России. Мне кажется, что в США должны вести политику несколько гибче, они не должны серьезно ссориться ни с Пекином, ни с Москвой. США должны проводить здесь очень тонкую линию, например, в контексте Северной Кореи и т.д. Тонкая линия проявляется в доверии между сторонами. Приходится констатировать тот факт, что, например, на высшем правительственном уровне может быть достигнуто определенное доверие, но, к сожалению, на уровне дипломатов, спецслужб существует очень большое недоверие между США и Россией.

Что касается вопроса о возможностях США в роли третьего полюса, то он правомерен хотя бы потому, что есть такая точка зрения, что Америка не сможет этого сделать, потому что она слишком политкорректна и не амбициозна. Например, викторианская Великобритания была амбициозна, царская Россия тоже была амбициозна. Мне кажется, что США надо работать вместе с другими полюсами, в том числе с Пекином и Москвой, хотя это очень сложно.

Хилькова Н.В.: В чем состоит угроза стабильности Китаю и почему она больше российская?

Карпов В.М.: В России проведен передел власти, собственности, в Китае он не проведен до сих пор, но он проходит, причем даже может быть более активно, чем когда-то в СССР, но, с моей точки зрения, дергать затвор начинают не столько во время передела собственности, сколько во время институционализации результатов этого передела собственности. И здесь Китай ожидают очень серьезные вызовы с точки зрения внутренней стабильности. Почему Россия более стабильна? Во-первых, потому, что мы уже прошли 1991 и 1993 гг. С моей точки зрения, главная политическая, институциональная, экономическая

проблема России сегодня – это регулирование отношений между центром и регионами. И в этом плане, на мой взгляд, России предстоит пережить тоже большой период проблем. Попытка выстроить сильную вертикаль слабой федерации при В.В. Путине, к которому я очень хорошо отношусь и у которого не было иного выбора – все это я называю постдефолстовским административно-территориальным полиативом, т.е. придется так или иначе вертикаль перестраивать.

Хомра А.У.: У меня будет вопрос любительского плана. Сторонники третьего пути развития Украины ссылаются на необходимость освоения рынков стран с высокими темпами экономического развития, богатых ресурсами и т.д. К этим странам относится и Китай. Действительно ли те цифры, которые приводятся в статистических сборниках о темпах экономического роста Китая, являются таковыми, и если да, то какие доказательства Вы можете привести в их подтверждение?

Карпов М.В.: Спасибо, блестящий вопрос! Ответ с ходу – нет, цифры не соответствуют действительности, никто не знает, какими реальными темпами растет Китай, хотя объективно никто не знал и не знает до сих пор, какими реальными темпами рос СССР. Общая динамика ясна: в 30–40-е гг. у нас был рост, в 50-е гг. он несколько замедлился, в 60-е гг. мы были стабильны, в 70-е гг. мы пошли вниз. Относительно Китая можно говорить о разбросе оценок роста страны и китайских, и иностранных авторов: от 2% до 0% в год, встречается даже цифра 9%, хотя это бред. Это трудно просчитать, поскольку никаких точек роста сегодня в Китае нет, возможно, они были в 80-е гг. Мне кажется, что с середины 90-х гг. Китай столкнулся с проблемой, существовавшей в СССР в 60–70-е гг., т.е. проблемой интенсификации экономического потенциала для удовлетворения структурного дефицита внутреннего рынка. В 80-х – первой половине 90-х гг. в Китае общий внутренний рынок был дефицитным и в плане средств производства, и в плане предметов потребления. Поэтому инфляционно-дефляционные циклы, когда заканчиваются деньги в экономике, давали свои плюсы, наполняя рынок товарами. Сейчас рынок наполнен, зайдя в китайский супермаркет в Пекине, Шанхае, вы видите все, но выбрать из этого трудно, потому что качество низкое. Китайцы столкнулись с проблемой интенсификации, т.е. проблемой структурных реформ, которую в России пытался решить Е.Т. Гайдар.

Хилькова Н.В.: Как Вы считаете, китаизация России – это продуманная государственная программа или просто стихийное бедствие?

Карпов М.В.: Я не могу ответить на этот вопрос, потому что я не знаю! Я видел закрытые китайские документы – невысокого ранга, но по Северо-восточным провинциям. Официальная политика Китая со-

стоит в том, чтобы не ссориться с Россией, не нагнетать. Является ли это отражением продуманной политики? Говорят, что китайцы задумали идею китайской федерации, начали заселяться на территории России, но ведь в России всегда была большая китайская миграция, она схлынула только после коллективизации, ведь русские на Дальнем Востоке были сосредоточены в основном в городах, а сельское хозяйство держалось на корейцах и китайцах. Потом китайскую диаспору ликвидировали: кто-то откочевал к себе, кто-то попал в лагеря и т.д. Поэтому то, что происходит сейчас – это в некотором роде восстановление утраченной китайской диаспоры. Второй момент. Вспомните XX век: Китай всегда был перенаселен, вспомните, сколько в Китае было катастроф, культурную революцию я не беру, «большой скачок» и 30 млн. умерших от голода, но даже в этих условиях китайцы никуда не побежали. Сегодня они накормлены, обуты и одеты, и почему они должны куда-то рвануть, даже если у них что-то начнется? Я бы сказал, что китайской угрозы нет, есть проблема демографическая, пограничная, социокультурная в условиях, когда с одной стороны живет 9 млн. человек, с другой – 150 млн. человек, с совершенно различной культурой, разными расами, что для них создает психологический стресс.

Е.Ю. Лицарева

Место России в Азиатско-Тихоокеанском регионе в конце XX в.

В конце XX в. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) стал третьим по значимости центром мировой экономической интеграции. Ряд исследователей (в частности, американские эксперты) считают: несмотря на то, что АТР уступает в этом отношении Европе и Северной Америке, на рубеже XX и XXI вв. этот регион оказался наиболее динамично интегрирующимся районом, и постепенно центр тяжести мировой экономики и политики перемещается на Восток, в частности, в АТР.

Практика последнего десятилетия XX в. доказала, что без глубокого анализа ситуации в России или ее регионах вряд ли возможны плодотворные контакты и правильное определение внешнеэкономических ориентиров как на уровне всей страны в целом, так и на уровне субъектов РФ в частности. В то же самое время, как показали события осени 1997 – августа 1998 гг., формирование приоритетов во внешнеэкономической ориентации России, при обязательном выявлении и учете особенностей каждого региона, в том числе и Сибирского, во многом зависит от международной экономической ситуации.

В этом плане, как считает большинство российских специалистов, краткосрочные цели РФ прежде всего связаны с развитием двусторонних отношений с соседями по региону и текущей работой России в АТЭС (Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества). В формате двусторонних отношений приоритетными партнерами России выступают Китай, Япония, Южная Корея и США.

В среднесрочной перспективе России также следует принимать активное участие в экономической и финансовой интеграции в рамках АТЭС и на субрегиональных уровнях (Восточно-азиатский форум, Ассоциация государств Юго-восточной Азии (АСЕАН), в том числе и через развитие традиционных связей, в первую очередь, с Индонезией, Вьетнамом, а также Малайзией). Кроме того, главной стратегической целью России в АТР становится превращение ее в связующее экономическое, финансовое, культурное, цивилизационное звено европейской и азиатской экономик. С этим во многом связывается необходимость сотрудничества на межрегиональном уровне (наиболее перспективным в этом плане является членство в АСЕМ (Asia-Europe Meeting) – в форуме, объединяющим ЕС и 10 стран АТР).

Большинство современных отечественных специалистов считает, что европейская часть российской экономики объективно больше тяготеет к Европе, к сотрудничеству с ЕС. Сибирь, с ее топливно-энергетическим, сырьевым и металлургическим комплексами, также больше обращена на Запад – на европейскую часть РФ и ЕС (экономические грузопотоки из Сибири до недавнего времени шли главным образом в европейскую часть российской экономики и далее в Европу).

Как показывают исследования, Западной Сибири следует активнее включаться в экономическое сотрудничество со странами Азии, используя научно-технический потенциал, имеющиеся высококвалифицированные кадры строителей, нефтяников, газовиков, геологоразведочных организаций. Выход продукции сибирских предприятий в Азиатский регион в целом должен дать Сибири свою нишу в регионе, подключить ее к процессам экономической интеграции в Азии и разрешить ряд проблем, а также помочь выйти из сложной экономической ситуации, охватившей до недавнего времени ключевые отрасли хозяйства России.

Развитие нефтяных и газовых ресурсов Сибири и сооружение сети нефте- и газопроводов, а также линий передачи электроэнергии может стать основой экономической интеграции России в АТР. Наиболее перспективными партнерами здесь являются страны, имеющие большие потребности в российских энергоносителях – Китай, Япония, Южная Корея, США.

Дальний Восток, геоэкономически и с точки зрения вектора хозяйственных связей, ближе к Северо-восточной Азии и АТР. При этом европейская часть российской экономики и в значительной степени Сибирь представлены в АТР как составные части глобальной российской экономики.

Пока глобальный характер экономики РФ ограничен рынками нефти, газа, редкоземельных металлов и весьма небольшим набором высоких технологий (оборудование для АЭС, самолеты, военные технологии). Дальневосточная экономика России, в отличие от европейской части РФ и отчасти Сибири, напротив, предстает в АТР как экономика региональная. Поэтому социально-экономической концепции развития России как федеративного целого следует учитывать и азиатско-тихоокеанский фактор роста российской экономики.

Таким образом, стратегия России в АТР в XXI в. должна строиться, исходя из двойственного положения России в этом регионе: как глобальной экономики и как экономики региональной, представленной в этом своем качестве экономикой российского Дальнего Востока и в определенной степени Сибири.

Учитывая особенности России и отдельных субъектов РФ, расположенных в азиатской части, отечественные специалисты возлагают особые надежды на Форум Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества. Будучи членом этого форума, Россия имеет реальную возможность интегрирования не только в региональную экономику, но и в глобальную систему экономических связей. Несмотря на все имеющиеся отклонения от первоначально намеченных целей, интенсивный рост экономической взаимозависимости стран-участниц АТЭС позволяет надеяться на их своевременное достижение.

Вопросы и выступления

Боронин О.В.: У меня два вопроса. Не считаете ли Вы, что интеграция отдельных российских регионов с внешним миром (Дальний Восток в АТР, Калининградская область в ЕС, Алтайский край и Республика Алтай в Большой Алтай) есть воплощение в жизнь американской стратегии разрыхления и перемалывания постсоветского пространства, индуцирующее распад Российской Федерации, о чем пишет один из ведущих отечественных экспертов-международников Алексей Богатуров?

Второй вопрос: сегодня неоднократно говорили о китайской экспансии, это вопрос абсолютно провокационного характера. На основа-

нии каких критериев Вы говорите о вероятной долго- или среднесрочной китайской экспансии?

Если говорить об этом только на основании количества китайских мигрантов, то, как мне представляется, мигрантов из Таджикистана в России ничуть не меньше, но мы не говорим о таджикской экспансии в России.

Лицарева Е.Ю.: Что касается второго вопроса, я этого не утверждала и об экспансии вообще не говорила. Я затронула возможности китайской угрозы, и в этом смысле необходимо выстраивание какой-то общей политики в отношении Китая.

Что касается первого вопроса. Нет, я не считаю, что это воплощение этой концепции. Другое дело, если у нас будет хороший закон, который будет регулировать специфику взаимоотношений между субъектами РФ и центром. Региональные связи всегда были, возьмите АТР, Китай, те же треугольники роста. Я не говорю о Большом Китае. Что же касается регионального сотрудничества Китая и стран Юго-Восточной Азии, то оно идет еще с 70-х гг. и ни к чему такому, чтобы, например, Индонезия развалилась, это не привело. Хотя она может развалиться, но из-за политического фактора, потому что в Индонезии после 1998 г. в силу того, что отсутствует сильная рука и сильная политическая личность, могут возникнуть проблемы. Для большинства стран АТР, это моя точка зрения, необходима сильная власть и сильная личность, и если этого нет, то здесь могут возникнуть очень нежелательные процессы. Я не хочу ничего говорить в отношении нашей страны, но некоторые события меня убеждают в том, что демократия – это, конечно, хорошо, но бывают такие переломные моменты, когда нужно более решительно действовать. Сильная рука – это не так плохо, но нужен закон, который был бы способен эту сильную руку, если что прижать.

Возьмите, к примеру, Турцию, в которой, начиная с середины 60-х гг., было три военных переворота. Как только возникала кризисная ситуация, зачастую из-за экономических проблем, так сразу же власть в руки брали военные, причем в последний переворот 1979 г. военных попросили о вмешательстве представители бизнеса, потому что вопрос стоял об экономической стабильности Турции, потому что была принята новая экономическая программа, предполагавшая именно тот эффект, которого Турция достигла сейчас. Прошло два года, в 1982 г. началась постепенная передача власти гражданским правительствам.

Бойко В.С.: Спасибо за информацию о Турции, очень редко услышишь это. У меня маленький вопрос: в Ваших словах скрытая обида

прозвучала, Вы нарисовали инфраструктуру участия, активности на местном региональном уровне и говорили о внешнеполитической ассоциации с ничтожным уровнем, которая нужна как добровольная организация, кружок. Я так понимаю, что она смыкалась с городскими структурами, зачем на уровне города городить какие-то отделы, структуры? Объединяйтесь на другом уровне по примеру подобной конференции, но Вы ведь сами начали бюрократизацию. Как Вы полагаете, подобные структуры, как Ваша, способны проявлять какие-то толковые, внятные инициативы?

Лицарева Е.Ю.: Что касается нашей ассоциации, мы не смыкались с городскими структурами, во многом мы были созданы при помощи городской администрации. Уровень демократизации общества определяет и степень активности общественных организаций, мало того, степень воздействия общественных организаций влияет на механизм принятия политических решений. Я не могу сказать, что этот механизм у нас эффективно отработан. Организация действовала и действует, но другое дело, что в силу отсутствия определенных традиций действий общественных организаций именно в этой сфере, она не смогла оказать позитивного влияния на принятие внешнеполитических решений. Хотя та и другая администрации к нам прислушиваются, в качестве экспертов нас приглашали, и работаем мы совместно.

Шарап С.: У меня конкретный вопрос, касающийся последнего заседания Государственного Совета, посвященного региональным аспектам Российской внешней политики. Как по Вашему мнению, какие-то практические шаги были предприняты после данного заседания или это снова только слова на бумаге?

Лицарева Е.Ю.: Что Вы имеете в виду?

Шарап С.: Осеннее заседание Государственного Совета, когда создавался межрегиональный комитет при МИДе, который должен был заниматься внешними связями в российских регионах.

Лицарева Е.Ю.: Если говорить о Томске, то в решениях этого Совета для Томска единственно интересным и практически значимым оказался вопрос о выстраивании связей в области научно-технической политики, потому что у нас в этом отношении город специфический, и особенно это касалось инновационных технологий, так что у Томска сейчас это приоритетное направление. Большинству сибирских городов и Томску в частности надоело рассматривать себя только в качестве ресурсно-сырьевого придатка. Кроме того, с точки зрения географического положения, Томск оторван от центральной железнодорожной магистрали, а потому основная ставка делается на развитие инновационных технологий.

Н.В. Греков

Казахстан и Россия: парадоксы сближения

Отношения России и Казахстана к концу последнего десятилетия XX в. обрели характеристики своеобразного бинарного объекта. В качестве первого компонента выступают официально провозглашаемые обеими сторонами стремления к все большему углублению экономического сотрудничества и необходимости перехода к политической интеграции. Второй компонент – параллельно идущее, неуклонно возрастающее отчуждение Казахстана от России. Если в 90-е гг. подобную противоречивую ситуацию можно было объяснить «растерянностью» никогда прежде не обладавшего независимостью Казахстана и непоследовательностью Москвы, то теперь со всей очевидностью обнажилась работающая модель «затянутой интеграции», в которой заявления о намерениях служат средством достижения иных целей. Для России – это желание сохранить и усилить свое влияние на постсоветском пространстве без реальной активизации своей политики. При недостатке ресурсов Казахстан использует тактику внешнеполитического лавирования, повсеместно озвучивая идею сближения с Россией. Помимо решения ряда внешнеполитических задач, повышения своего международного престижа, Казахстан получает возможность сглаживать за счет России и свои внутривнутриполитические проблемы. Чем успешнее решает казахстанская сторона эти задачи, тем энергичнее дистанцируется от России.

В двусторонних отношениях России и Казахстана преимущественно задействованы разноуровневые административные элиты. Со стороны Казахстана действует государство в целом, с российской стороны – региональные элиты. Во всех государствах Центральной Азии утвердились авторитарные режимы. В частности, Конституция Казахстана фактически закладывает предпосылки для формирования централизованного унитарного государства с сильными элементами авторитаризма. Все решения принимаются Центром, который жестко контролирует местную администрацию. Кроме того, в Казахстане еще не сложилась сколько-нибудь самостоятельная, независимая от власти экономическая и финансовая элита. Данный процесс только начинается по мере усиления позиций в стране иностранных компаний и связанных с ними местных представителей бизнеса. Ключевые позиции в экономике по-прежнему занимает государство («большие семьи»). В 90-е гг. шел активный процесс «казахизации» региональной элиты, вытеснение славянского элемента. По мнению ряда аналитиков, Москве «проще иметь дело» с устойчивыми и предсказуемыми политиче-

скими режимами, пусть и авторитарными этническими элитами. Однако особенности формирования и характер политической элиты в Казахстане тесно связаны с процессом архаизации общества, когда на первый план выходят клановые интересы, идет возрождение норм и обычаев 200-летней давности. Это обстоятельство, в свою очередь, может поставить под угрозу единство Казахстана, где северные, наиболее развитые районы заселены русскоязычным населением. В этих условиях Казахстан заинтересован в тесном экономическом сотрудничестве с приграничными территориями России, что, с одной стороны (в процессе реализации экономических программ), позволило бы ему в значительной степени снять напряженность на Севере, сбить сепаратистские настроения, с другой – позволило бы увеличить государственные доходы, поскольку основная часть налогов поступает в центр из русскоговорящего Севера. В целом данный тип контактов вполне устраивает Казахстан.

В России инициаторами русско-казахского экономического сотрудничества выступают административные элиты приграничных регионов. Москва, как правило, не является зачинательницей активных двусторонних связей, а только реагирует на свершившееся. Российский президент подчеркнул, что именно интересы регионов активно подталкивают национальные правительства к принятию решений по углублению интеграции в рамках ЕврАзЭС (Независимая газета. 2003. 15 апр.).

В России 90-х гг. постепенно нарастал процесс децентрализации политической жизни на общественном уровне при усилении авторитарных тенденций во многих регионах. Те же «удельные князья», сосредоточившие в своих руках политическую и экономическую власть, тот же авторитаризм, та же клановость, что и в соседнем государстве.

Это во многом облегчает им поиск взаимопонимания. Центр предоставляет лидерам российских приграничных регионов широкие возможности для самостоятельного развития экономических связей. Региональные элиты руководствуются комплексом личных, корпоративных и местных экономических интересов, что, учитывая качественные характеристики этих элит, далеко не всегда соответствует общегосударственным интересам. Поэтому столь противоположны социально-политические последствия этих связей. Для России – тенденция к определенной горизонтальной дифференциации политического пространства, для Казахстана – укрепление централизации и личной власти президента. Кроме того, при подобной группировке взаимодействующих сил снимается сама проблема «имперских амбиций» России в

отношении Казахстана, поскольку региональные элиты в принципе не способны создавать и реализовывать имперские проекты.

Сходную «двойственность», отнюдь не ведущую к политической интеграции Казахстана и России, можно обнаружить в сфере военнотехнического сотрудничества, в решении вопросов пребывания в Казахстане русскоязычного населения.

Москва, по всей видимости, не стремящаяся взвалить на себя казахстанские проблемы, и в то же время не желающая утратить перспективу военного контроля над территорией Казахстана, позволяет казахстанскому руководству в союзе с отдельными российскими региональными элитами самостоятельно вести поиск каналов двустороннего взаимодействия. Естественно, что Казахстан, при всей неуклюжести его лавирования, не может не извлечь из этого пользу, оставляя России лишь неопределенные надежды на реализацию также не вполне осознанных ею целей в регионе. Как известно, динамика международных отношений определяется тем, что выигрыш одного государства обязательно оборачивается потерей для другого.

Вопросы и выступления

Барабанов О.Н.: Спасибо большое за интересный доклад, мой вопрос связан с региональной спецификой. Не могли бы Вы подробнее рассказать об омской региональной специфике, опыте сотрудничества или противодействия с Казахстаном?

Греков Н.В.: Собственно, на основании такого опыта я и писал свои тезисы. В двух словах сказать трудно. Последние 13 лет у нас поддерживается и развивается расширение экономических связей, внешне все блестяще. Я не буду пересказывать то, что есть в прессе и Интернете. Но есть некие процессы, которые желательно видеть под теми, которые нам демонстрируют. Ведь есть правило: если вам все понятно, значит, вам не все рассказали. Мне хотелось в первую очередь обратить внимание на то, действительно ли столь крупные обороты товаров, завоз казахского угля на омские ТЭЦ – это действительно первые ласточки межгосударственной интеграции или это исключительный региональный опыт, базирующийся на личных контактах некоторых руководителей? Следует говорить о том, что горизонтальная регионализация происходит, и, в частности, это проявляется в том, как реагирует губернатор Кемеровской области Аман Тулеев на тот факт, что Омск закупает уголь в Казахстане. В то время как кемеровский уголь некуда девать, кузбасский уголь за грошовые цены продается в

Казахстан, а Омск, готовый на постоянной основе закупать уголь, получает его по высоким ценам в Казахстане. За внешним, очень благополучным состоянием дел, которое отражено в нашей прессе, следует видеть большие перспективы, которые не столь радужные.

Першиков А.Н.: Опишите перспективы сотрудничества Казахстана с российскими регионами. Вопрос объясняется тем, что недавно томская делегация вернулась из Казахстана и была приятно удивлена высоким уровнем развития рыночных отношений в Казахстане, т.е., прямо говоря, там есть чему поучиться.

Греков Н.В.: Мне это выступление напоминает высказывание Чубайса, которого неделю назад в каком-то ток-шоу прижали к стенке с его выкрутасами, и он сослался на опыт Казахстана, где, оказывается, его «чубайсовские» реформы завершились успехом.

Першиков А.Н.: Видите ли вы реальные результаты регионального сотрудничества с Казахстаном? Потому что проблема, которую мы здесь поднимаем, – это проблема либерализации внешнеполитической деятельности, но применительно к Томску, данная проблема не стоит так остро и во многом потому, что Томск выдвинул инновационную программу развития, которая является второй или третьей в регионе. Все это выглядело очень представительно с участием иностранных делегаций, среди которых одной из последних была корейская. Она проявляет большой интерес к нашим научным достижениям.

Греков Н.В.: Во-первых, мы понимаем все, что дружить нужно со всеми и всегда. От дружбы есть польза. В моих тезисах я проводил несколько иную мысль о соотношении межрегиональных и государственных интересов, о том, насколько стыкуются декларации и реальность, о том, насколько действительно серьезный центр способен контролировать внешнюю политику, особенно в АТР, и о том, насколько на практике реализуется формально отвергнутая идея Березовского, когда он был председателем Совета Безопасности, о том, что внешнюю политику, безусловно, нужно отдать региональным элитам.

Карпов М.В.: Не удержусь от комментария. Коллега из Томска рассказал, как их делегация была в Казахстане и была восхищена уровнем рыночных отношений там. Так вот, есть такой известный экономист Андрей Илларионов, который тоже в 2000 г. в контексте дискуссии вокруг экономической программы В.В. Путина высказал мысль о том, что китайская экономическая модель самая либеральная. Поскольку там не «Sozialstaat», там 80 млн. населения живет на подножном корму, в деревне нет ни образования, ни медицинского обеспечения, ни пенсий, там нет ничего. И это самая либеральная модель?! Так вот, я позволю себе с А. Илларионовым не согласиться, потому что не

разделяю мнение о том, что отсутствие социального государства является присутствием либеральной экономики. Отсутствие первого может являться присутствием азиатской деспотии.

Е.В. Тарасова

Условия развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве

Одной из основных проблем, связанных с анализом современного состояния СНГ и прогнозированием развития интеграционных тенденций, является вопрос о предпосылках объединения бывших советских республик. В большинстве работ, посвященных взаимодействию стран Содружества, затрагиваются факторы, препятствующие или способствующие восстановлению единства постсоветского пространства.

К факторам, препятствующим интеграции постсоветских республик, прежде всего относятся разновекторность и различная степень продвинутой экономической и политических преобразований в странах Содружества. День за днем в ходе реформ государства СНГ теряют сходные черты политико-правовых структур и экономической политики, параллельно накапливая все новые различия. Увеличивается внешнеторговый оборот со странами дальнего зарубежья за счет уменьшения объемов экспорта и импорта во взаимной торговле государств-членов Содружества. При этом СНГ превращается в ресурсный сегмент мирового рынка, в условиях которого обострится конкуренция между новыми независимыми государствами, как экспортерами сырья. Эти качественные характеристики экономики постсоветских государств также не способствуют углублению взаимодействия.

К дезинтегрирующим факторам политического характера относят прежде всего авторитарные мотивы в поведении руководителей государств, недостаточно активную деятельность в направлении сплочения Содружества и повышения эффективности его институтов, расхождения в подходе к вопросам сотрудничества.

Ко второй группе факторов прежде всего относят сохранившуюся со времен СССР экономическую взаимозависимость. К интегрирующим факторам относят также наличие общего языка. Наконец, ученые и политики используют в качестве аргумента общие ценности, поведенческие нормы, «евразийский менталитет», благодаря которому народы, населявшие СССР, осознавали себя единым целым. Рассмотрение способствующих интеграции факторов обычно сопровождается сравнением с предпосылками европейской интеграции и приводит ис-

следователей к заключению, что в СНГ имеются гораздо более благоприятные условия для развития интеграционного взаимодействия, чем в свое время в Западной Европе.

На вопрос о наличии предпосылок для интеграции стран СНГ большинство исследователей дают однозначно положительный ответ, отталкиваясь от тезиса о былой сверхинтегрированности СССР. Однако именно это утверждение является противоречивым. Обращать внимание нужно на способ формирования СССР как целого, на механизмы, способы поддержания высокой степени его целостности. При этом корни проблемы уходят еще в дореволюционный период истории.

В советском государстве не были полностью преодолены экономическая и культурная неоднородность, неравномерность развития народов, свойственные Российской империи. Связать народы Российской империи, а затем и Советского Союза в единое экономическое, социальное и политическое целое могли только рыночные отношения. Об этом свидетельствует прежде всего опыт Европы: до того, как развитие капитализма вызвало завершение внутривосточной интеграции, не могли получить развития тенденции интернационализации общественной жизни и, следовательно, интеграционные процессы. Однако капитализм в России и на окраинах империи развивался «сверху», преимущественно вширь, и не успел затронуть глубинных основ экономики и общества. Индустриализация и урбанизация оказывали на регионы СССР неодинаковое преобразующее воздействие. В советский период неоднородные, территориально отдаленные друг от друга республики объединяла сильная центральная власть и командно-административная система управления экономикой. Политическая система СССР была построена на вертикальных связях, и сама ее структура предполагала возможность дезинтеграции.

Кризис советского федерализма повлек за собой распад Союза, диверсификацию экономических связей между республиками и в какой-то степени внутри республик. Началось национально-государственное самоутверждение стран СНГ. Особенность этой стадии развития состоит в стремлении к преодолению экономической взаимозависимости, что в нашем регионе сопровождалось деиндустриализацией, а в республиках Средней Азии – еще и демодернизацией общества. Даже те характерные черты и проблемы, которые являются общими для постсоветских государств, работают скорее на углубление дезинтеграции, чем на интеграцию.

Бывшие советские республики представляют собой сейчас переходные в социально-экономическом и общественно-политическом плане социумы, где потребности доминирующей политической элиты

не выражают, а подменяют собой еще не сложившиеся общественные интересы. Именно эти интересы влияли на характер и направленность взаимодействия между постсоветскими странами в рамках СНГ и иных структур. На сегодняшний день в СНГ сложилась система взаимодействия, которую можно назвать многоуровневой или разноскоростной. Первый уровень – так называемые интеграционные механизмы Содружества, которые носят бюрократический характер. Их задача состоит в том, чтобы декларировать интеграцию. СНГ представляет собой нечто вроде форума, на котором высшие руководители обмениваются мнениями и информацией. Второй уровень – создаваемые в рамках Содружества с середины 1990-х гг. субрегиональные объединения. Эти структуры превращаются в локальные организации по интересам, в которых их участники сами определяют свои права и обязанности независимо от решений, принятых в рамках «СНГ-12». Однако в рамках субрегиональных альянсов взаимодействие также не идет дальше межгосударственного сотрудничества и поэтому не может называться интеграционным.

В связи с вышесказанным можно сделать вывод о том, что объективных условий для реальной интеграции постсоветского пространства не существует. Процессы суверенизации не только препятствуют интеграционному взаимодействию, но и делают его принципиально невозможным. Экономическая основа интеграционного процесса не сформирована, требуется преодоление разобщенности внутри самих республик, завершение внутриреспубликанской интеграции. Существует масса предпосылок второстепенного характера, которые при наличии зрелости экономики и национальных государств в Европе привели к развитию интеграции, но в условиях отсутствия экономической и политической готовности стран Содружества не могут гарантировать аналогичный результат. Сегодня мы можем говорить лишь о развитии многостороннего и двустороннего сотрудничества.

На сегодняшний день поступательное развитие интеграционных процессов имеет место только в одном регионе мира – в Европе. Интеграционные процессы все в большей степени влияют на ход развития экономики, общественно-политической ситуации, межгосударственных отношений в европейском регионе, формируют облик Европейского союза как единого целого. Интеграция стран Европы показала тенденцию как к устойчивости, так и к углублению и расширению. Опыт ЕС свидетельствует о том, что интеграционное взаимодействие, с одной стороны, предполагает довольно существенное ограничение национального суверенитета стран-участниц, с другой стороны, обеспечивает им гораздо большие возможности прогрессивного экономи-

ческого и социального развития, способствует реализации прав и свобод граждан.

Разумеется, всякие попытки механического, произвольного переноса опыта деятельности ЕС на другую почву не имеют под собой ни научной, ни материальной основы. Государства Латинской Америки, Африки, Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии использовали, зачастую некритически, модель западноевропейского «Общего рынка». Однако она не смогла оказать эффективного воздействия на формирование в развивающихся странах взаимодополняемых хозяйственных комплексов. Она не соответствовала экономическим условиям освободившихся государств, их потребностям в ликвидации производственно-технологической зависимости от Запада. Значительные различия в структурах хозяйственных комплексов, националистические соображения, преобладающие при решении вопросов о размещении производственных мощностей, углубление социально-экономической дифференциации партнеров обусловили формирование центробежных тенденций в интеграционных объединениях развивающихся стран.

В СНГ складывается похожая ситуация: попытка сохранить единое экономическое пространство без единого государства либо надгосударственных структур, в условиях системной ломки, оказалась безрезультатной. Распад СССР и трансформационная рецессия вызвали мощные дезинтеграционные тенденции. В этих условиях реализация соглашений, во многом скопированных с основополагающих документов Евросоюза, была и остается невозможной. Использование опыта ЕС должно означать не заимствование, а изучение основных закономерностей интеграционного процесса, форм организации взаимодействия, с тем, чтобы выработать адекватную стратегию развития, учитывая особенности современного состояния стран СНГ.

Решение этой задачи существенно затрудняют расхождения в трактовке понятия «интеграция». В последние годы во многих научных работах, межгосударственных соглашениях, выступлениях политических деятелей этим термином обозначаются формы сотрудничества, которые нельзя в строгом смысле назвать интеграционным. Интеграция неправоммерно отождествляется с организационным оформлением межгосударственных союзов. Противоречие между стремлением к созданию интеграционного комплекса и реалиями независимого развития находит выражение в формулировках типа «интеграция при сохранении суверенитета и независимости», представляющих собой попытки соединить несоединимое.

Следует отметить, что распад СССР и опыт взаимодействия стран СНГ имеют очень большое значение для общей теории регио-

нальной интеграции, для понимания сущности интеграционного процесса в целом и европейской интеграции в частности. Именно эти события и явления помогают уточнить иерархию интегрирующих факторов, выделить среди них главные и второстепенные. Определяющими являются следующие условия:

- завершенность внутристрановой интеграции, обеспечиваемая за счет естественного развития хозяйственных связей на микроуровне в системе рыночных отношений;

- зрелость государственного суверенитета, выражающаяся в том, что регулирование общественной жизни на национально-государственном уровне уже не способно обеспечить решение задач стратегического развития, и в том, что ограничение суверенитета воспринимается политической элитой и основной массой населения как необходимое.

Все прочие условия – географическая близость, культурно-историческая общность, наличие сходных проблем, внешних угроз – не могут гарантировать развитие интеграционных процессов, пока не обеспечена экономическая и политическая готовность стран региона.

Вопросы и выступления

Бойко В.С.: Вас можно назвать в хорошем смысле пятой колонной в Казахстане, Вы владеете казахским языком в какой-то степени и планируете ли решать этот вопрос в идеальном формате?

И второй вопрос, почему так слаба тяга рядовых казахов к России? Мне кажется, у нас мало казахов. Я, например, родившийся и выросший в приграничной зоне, привык общаться и дружить с казахами в гораздо большей степени, нежели чем с братьями украинцами. Мне кажется, что казахи и по-русски говорили и говорят лучше. Так почему же нет казахов у нас, не чувствуется симпатии с их стороны?

Тарасова Е.В.: Я не владею казахским языком, и, к сожалению, у меня сейчас нет времени на то, чтобы заниматься его интенсивным изучением.

Что касается казахов, что Вы имеете в виду под словом тяга?

Бойко В.С.: Тяга – это, например, приехать учиться в Россию, в гости.

Тарасова Е.В.: Вы знаете, приезжать в Россию и учиться – это дорогое развлечение. Многие хотели бы! Студенты казахской национальности и представители не титульных этносов стремятся к этому. Мы даже проводили социологический опрос, который показал, что

молодые казахи понимают, что уровень образования в казахских вузах не соответствует не то что мировым требованиям, но и попросту это подписка о невыезде. Потому что уровень образования в Южно-казахстанской области очень низкий. Но при этом есть чисто экономические факторы: невозможность родителей студентов обеспечить проживание даже в крупных сибирских городах, платить за обучение. Все это, конечно, связано с социально-экономической характеристикой абитуриентов.

Гончаренко А.И.: У меня маленькая ремарка и потом вопрос. Сегодня несколько докладов прозвучали как приговор в вопросах интеграции, ни в одном докладе каких-то перспектив в плане межгосударственных интеграций не прозвучало. Что же касается регионально-государственной интеграции, то везде звучали мысли о том, что есть межрегиональные сообщества или конкретные регионы, которые как-то экономически интегрируются с другими государствами, ведь не прозвучало, например, что Омская область интегрируется с Восточно-Казахстанской. И здесь есть как положительные моменты, так и могут быть скрытые отрицательные последствия.

Пользуясь случаем, что Вы представляете государство, с которым у нас есть общая граница, хочу задать вопрос, связанный с беспокойствами в отношении того русскоязычного населения, которое проживает в Казахстане. Недавно мы проводили в формате круглого стола мероприятие, где звучали вопросы толерантности, проблемы мигрантов, вынужденных переселенцев. За прошедший год в Алтайском крае насчитывается более 2 тыс. переселенцев, 90% из которых дает Казахстан, все они русскоязычные, причем подавляющее большинство в трудоспособном возрасте, более половины – лица с высшим и средне-специальным образованием. Вопрос состоит в том, нужны ли Казахстану кадры, коль скоро он их теряет? Изучая этот вопрос, мы пытались понять причины переселения казахов в Россию. Среди причин выявлены следующие:

- проблемы профессионально-карьерного роста у русскоязычного населения;
- языковые проблемы или получение высшего образования для детей;
- бытовой национализм.

Как человек, который живет там, расскажите, насколько эти проблемы серьезны? Поскольку мы сейчас переселенцев тоже по-человечески принять не можем в связи с «прекрасным» законом о гражданстве, согласно которому мы от казахов практически отказались, но в то же время в Казахстане эти люди тоже не нужны?

Тарасова Е.В.: Спасибо за вопрос. Во-первых, я присоединяюсь к Вашей оценке миграционного законодательства. Россия, приняв целый ряд новых законов и подзаконных актов, отказалась от очень качественных мигрантов, многие из которых получали образование еще в Советском Союзе, которые владеют русским языком, легко вписываются в социум в любом российском регионе, и которые могли бы сами без особых затрат со стороны государства обустроиться в России, т.е. найти работу. Но лишь в том случае, если бы у них была возможность легально проживать и работать на территории России.

Что касается факторов миграции. По количеству только из Восточно-Казахстанской области в прошлом году выбыло более 2 тыс. человек, причем Алтайский край является крупнейшим миграционным партнером Казахстана.

Говоря о причинах, можно говорить, что языковой фактор пока довольно долговременный, потому что в Казахстане принят поэтапный процесс перевода делопроизводства на государственный язык. В Восточном Казахстане полный переход делопроизводства на казахский язык будет осуществлен с начала 2005 г. Что это означает? Не просто документация будет вестись на государственном языке и при необходимости на русском параллельно – это означает, что по списку специальностей, заявленных в законе, таких как государственное управление, силовые структуры, здравоохранение, образование – к этим кадрам будут применяться требования, связанные с владением государственным языком. Естественно, это будет означать, что работодатели получают дополнительный повод для увольнения тех работников, которые языком не владеют. Ценный технический персонал будут держать настолько, насколько смогут, но все равно миграционная волна пойдет, поскольку они будут вытеснены в такие профессиональные сферы, которые либо ниже их самооценки, запросов, либо обеспечивают слишком низкий уровень доходов, т.е. прямого выдавливания может и не быть, но перераспределение социальных ниш будет заметным.

Что касается образования, то в Казахстане государственное финансирование бюджетного образования к середине 90-х гг. было изжито, позже оно вернулось в виде государственных кредитов и грантов, но это единичные случаи. Цены за обучение каждый год повышаются, к сентябрю мы ожидаем увеличения стоимости обучения по некоторым специальностям до 70%. Естественно, высшее образование станет еще менее доступно для широких слоев населения, причем не только русского, но и казахского. Забота о будущем детей заставляет многих срываться с места и искать лучшие возможности где-то в России. Прежде всего потому, что эти люди не видят будущего у себя в Казах-

стане. Прогнозы, которые можно строить сейчас – далеко не оптимистические. Для людей, которые хотели бы изменить свой статус, единственным путем к этому является смена места жительства.

Что касается других факторов, то длительное время Россия воспринималась как правопреемница СССР, где сохраняются социальные гарантии, что совсем ушло в Казахстане. Этот фактор очень влияет на миграционную ситуацию, потому что в Россию стремились из-за большего социального комфорта.

Курныкин О.Ю.: Известно, что президент Казахстана Н. Назарбаев взял на себя роль едва ли не главного идеолога и пропагандиста интеграции на постсоветском пространстве, и вместе с тем он блестяще осуществил задачу вычленения Казахстана из имперского пространства. В связи с этим вопрос: насколько президент Казахстана является искренним сторонником интеграции, и каким реальным содержанием наполнена его концепция интеграции?

Тарасова Е.В.: На мой взгляд, интеграция в трактовке президента Назарбаева и не только его – это бесконфликтное развитие межгосударственных отношений, отношений между бывшими советскими республиками. Причем, если мы попробуем найти результаты той же центрально-азиатской интеграции, мы их не найдем. В рамках ЕврАзЭС попытки экономического взаимодействия так или иначе предпринимаются, но в целом в трактовке Назарбаева делается акцент на прошлое, культурно-историческую общность. На мой взгляд, это своеобразная демагогия, это необходимый элемент государственной внешней политики новых независимых государств, которые все являются президентскими диктатурами. Расхождения между реальными интересами и лозунгами есть во внешней политике любой страны, и я не считаю, что это что-то из ряда вон выходящее – вполне заурядное явление.

Э.Э. Полетаев

Идеология «особого пути» и двойные стандарты в Центральной Азии

Более 11 лет прошло с момента обретения центрально-азиатскими неопитами своей независимости, и, казалось бы, прошедшего времени было достаточно для внедрения в жизнь института прав человека и основ гражданского общества, однако реальность политической жизни региона далека от демократических идеалов.

«Формально никто из лидеров постсоциалистических государств не выступает прямо против демократии. Наоборот, все много говорят о

своей приверженности демократическому развитию. Но при этом реально мы имеем дело часто лишь с вывеской, пропагандой, но не с искренним стремлением установить в конкретном государстве демократическое правление», – считает Ажар Куртов, сотрудник Российского института стратегических исследований.

В странах региона сложилась система режима личной власти, отсутствует равновесие ветвей власти, местное самоуправление, сменяемость лиц, находящихся у власти. Вследствие этого в центрально-азиатских государствах никак не учитываются разные мнения и интересы, отсутствует механизм свободного волеизъявления народа, свобода слова, только благодаря которым люди могут отстаивать свои социально-экономические и политические интересы.

Все это позволило множеству международных организаций относить страны региона к категории несвободных стран в области реализации политических прав и гражданских свобод.

В этой непростой обстановке правящие режимы вынуждены лавировать, наращивать репрессивный аппарат, усиливать идеологический, пропагандистский компонент своей внутренней политики. Лидеры стран пытаются преодолеть внутренние трудности, внося в массы идеологию так называемого «особого пути», переключения социально-го недовольства на поиск внешних причин.

В Казахстане идеология «особого пути» основана на стремлении к евразийству, оправдывающему «особый путь» народов и государств, расположенных в центре крупнейшего в мире материка. Этому способствует даже тот факт, что координаты «географического центра» Евразии расположены недалеко от столицы Казахстана города Астаны.

Помимо идеи евразийства в Казахстане на протяжении нескольких лет идет широко разрекламированная кампания по претворению в жизнь послания президента Назарбаева народу под названием «Казахстан 2030 – Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев». Согласно этой стратегии, к 2030 г. Казахстан должен стать профессиональным государством с развитой экономикой и высоким уровнем жизни населения.

Между тем Казахстан – страна, которая в последнее время сильно сдала свои позиции в процессе демократизации. Президент Казахстана между тем стоит на своем: «Сейчас мы уже не ученики у западных стран. Поэтому мы категорически не приемлем советы, направленные на искусственное ускорение демократических процессов. Подобного рода советы не учитывают особенности исторического развития Казахстана, построены на иллюзорных представлениях о якобы единых

для всех демократических стандартах. Они, эти советы, на мой взгляд, являются попросту безответственными: мы другие».

В Узбекистане идеология «особого пути» основана на популярном лозунге «Узбекистан – государство с великим будущим». Узбекистан основывает свою особую позицию на том, что является государством с самым большим количеством населения, и узбеки – самая многочисленная нация в регионе.

Основы этой идеологии начали внедряться вскоре после обретения страной независимости, когда узбекский лидер издал свою книгу «Узбекистан: свой путь обновления и прогресса». Главные принципы «особого пути по-узбекски»: приоритет деидеологизированной экономики над политикой, главная роль в проведении реформ отводится государству, а не команде кризисных менеджеров, жесткие законы, стремление к сильной социальной политике, связанное с ростом населения и поэтапный переход к рыночной экономике.

Директор Института стран СНГ Константин Затулин высказал мнение, что Узбекистан на протяжении последних лет «демонстрирует достаточно одностороннюю позицию, отказываясь участвовать в серьезных интеграционных образованиях на постсоветском пространстве». Особый путь этот на нынешнем этапе однозначен, считает Затулин, так как Узбекистан является «лучшим другом» США в регионе.

По-иному внедряется идеология «особого пути» в Таджикистане. Угроза раскола нации, распада государства и даже исчезновения Таджикистана с политической карты мира в период гражданской войны 1992–1997 гг. побудила руководство республики отказаться от противостояния и насилия как способов стабилизации общественного порядка, стать на путь национального диалога. Президент Таджикистана Эмомали Рахмонов, провозгласив политику мира и национального единства, направленную на мирное решение конфликтов и возвращение беженцев на родину, предпринял уникальные шаги, пригласив на крупные государственные посты влиятельных полевых командиров, которые трудились на своих руководящих постах по сей день.

В последние годы президент Рахмонов является последовательным сторонником экономической и политической интеграции с целью получения надежных гарантий союзников (в первую очередь, России), осознавая, что может не справиться с управлением страной и потерять власть, если «потухшие» конфликты и потенциальные конфликтные ситуации могут при определенных обстоятельствах опять напомнить о себе и вспыхнуть с новой силой.

В Таджикистане не склонны говорить об откате или отступлении демократии, ссылаясь на то, что страна пережила гражданскую войну.

«Война и сопутствующие ей явления – военная разруха, правовой нигилизм в сочетании с территориально-политической фрагментацией пространства страны, власть харизматических полевых командиров на местах и развитие демократические процессов – вещи, достаточно слабо сочетаемые. Именно поэтому любые подвижки в противоположную сторону от подобного состояния уже есть прогресс», – утверждает таджикский политолог Рашид Гани.

Под девизами «Кыргызстан – наш общий дом» и «Кыргызстан – страна прав человека» живет государство, провозглашающее себя «островком демократии в Центральной Азии». Его президент Аскар Акаев заявил в 1997 г., что «за истекшие годы нам удалось предьявить себя миру уникальной в своем роде этнокультурной частью общечеловеческой цивилизации, идущей по собственной дорожке развития».

Кыргызская оппозиция не одобряет идеологию «особого пути». Так, оппозиционер Кубанычбек Апас в интервью «Радио Свобода» заявил, что этот «путь» нужен, «прежде всего, лично Акаеву для продления своей авторитарной власти и коррумпированного режима, который он уже возглавляет в течение 12 лет и не собирается уходить с этого поста».

Впрочем, идеология кыргызского «особого пути» не пользуется поддержкой и простых жителей страны с огромным внешним долгом, медленным экономическим ростом и проблемами в социальной сфере.

Туркменистан, в отличие от других стран региона, никогда не спешил выполнять рецепты Запада, предпочитая идти своим путем. Своеобразным фасадом реформ республики является лидер Туркменистана Сапармурат Ниязов, который сделался излюбленной мишенью для различных средств массовой информации.

С точки зрения современного европейского человека, система правления Сапармурада Ниязова напоминает древнюю племенную структуру, где вождь единолично решает все основные вопросы, продвигая «особый путь» Туркменистана под лозунгом «XXI век – золотой век туркменского народа». «Без ложной скромности скажу: мне известен маршрут в «золотой век» моей страны», – самодовольно заявил однажды Ниязов в интервью российской «Независимой газете».

Все это говорит о том, что центрально-азиатскими республиками на протяжении последних лет в значительной степени были утрачены надежды на перспективы демократического развития, создание правового государства и гражданского общества в их европейском понимании.

Тем временем победоносное завершение войны в Ираке силами антииракской коалиции породило страх и ощущение непрочности сво-

его положения у некоторых центрально-азиатских президентов. «После событий в Ираке многие руководители, которых Запад считает коррумпированными, антидемократическими, автократическими и даже тоталитарными, начали думать о том, что с ними случится в ближайшем будущем», – считает доктор исторических наук, депутат Государственной Думы России Андрей Кокошин. Так, многие российские эксперты считают, что именно эта обеспокоенность привела туркменского лидера Сапармурата Ниязова к поиску понимания у России.

«Учитывая, что главной задачей лидеров центрально-азиатских государств является сохранение власти, то этот «особый путь» включает в себя комплекс мер, направленных на сохранение власти», – считает казахстанский политолог Досым Сатпаев. Он считает, что политическим элитам региона придется выбирать между двумя путями – эволюционным, который приведет к проведению реформ, и революционным, который будет реальным, если элиты осознают опасность, связанную с препятствиями развития своих стран.

«Но демократия останется с центрально-азиатской особенностью, – резюмирует Сатпаев, – фасад будет демократичный, а сущность – авторитарна».

Литература

1. www.vedomosti.ru/stories/2003/03/20-47-04.html.
2. www.libertarium.ru/libertarium/party_way.
3. <http://www.navi.kz/articles/?artid=2056>.
4. Комсомольская правда. 1993. №154.
5. www.rusmysl.ru/2001_III/4378/437803_Sent27.html.

Вопросы и выступления

Карпов М.В.: Я совершенно не русский империалист, но все же хотел бы задать вопрос: куда идти? Следовательно, сегодня есть три модели: турецкая, иракская и пакистанская. Если мы берем Россию, по какой модели развиваться ей?

Полетаев Э.Э.: По моему мнению, идем мы все туда же, куда и все остальные. На самом деле все модели были опробованы, Казахстан был в растерянности в первые годы независимости. У нас укрепляли какие угодно модели. Приезжал советник из Кореи, который основал гражданский институт менеджмента, экономики и прогнозирования, самое элитное учебное заведение, где преподавание ведется полностью на английском языке и стоимость обучения в нем составляет

3 тыс. долл. Приезжали китайцы, турки, советовали очень много, а по сути дела все идет по принципу «Старые методы лучше!». Назарбаев – это продукт командно-административной системы Советского Союза, он вырос в этой среде. За рамками его различных разговоров, стремления к евразийству, к интеграции он действует как старый советский лидер. Да, в каких-то реформах мы взяли чилийский опыт, в социальных реформах – опыт Малайзии, где-то пытались использовать корейский и китайский опыт.

Карпов М.В.: Казахстан ведь исламская страна!

Полетаев Э.Э.: Казахи никогда не были строгими приверженцами ислама. Вы не найдете даже в ауле казахскую женщину, которая закрывает лицо платком. Я не знаю казахский язык, но понимаю его достаточно хорошо, потому что мне приходилось три года служить в армии после окончания института на офицерской должности. И многие команды были на казахском языке, потому что ребята с аула приезжали и многие не знали русского языка. Так что для того, чтобы быть в авторитете, и приходилось знать казахский язык. Я владею разговорным казахским языком, но почему я не учу его? Потому что мне он пока не нужен. По разным данным, от 10% до 50% казахов не владеют своим родным языком. Я живу в полуторамиллионном мегаполисе, где основное средство общения – русский язык. У меня нет такой большой необходимости знать казахский. Другое дело, если бы я был секретарем, делопроизводителем, остался бы в армии. Люди очень быстро приспосабливаются! Наш мэр Алма-Аты сделал себе обрезание, женился на казашке, принял ислам и начал в приветственных речах изъясняться по-казахски. Это ярчайший пример того, как можно быстро приспособиться.